

ДЖОНАТАН
Дэйли

Ричард Пайпс: этничность, культура, русофобия и антисемитизм

Пайпс в довольно стройном антироссийском хоре – фундаментальный бас. Остальные: Янов, Эткинд, Гроссман и прочие, им же теперь нет числа – только лирические тенора...

СЕРГЕЙ РАФАЛЬСКИЙ¹

Джонатан Дэйли
(р. 1958) – специалист
по истории России, про-
фессор Иллинойского
университета (Чикаго).

Ричард Пайпс всегда привлекал к себе внимание. В Соединенных Штатах, вероятно, нет другого специалиста по истории России, чье имя получило бы столь же широкую известность. Уже в 1957-м, когда Пайпсу было всего 33 года, из всех участников оксфордской конференции, посвященной России после Сталина, ведущий международный обозреватель газеты «The New York Times» Сайрус Зульцбергер чаще всего цитировал именно его. Среди прочего он обратил внимание на следующие слова молодого историка:

«России недоставало и до сих пор недостает укоренившейся традиции децентрализованного государственного управления – то есть привычки к такому состоянию, при котором властные отношения между метрополией и колониями определяются легально обоснованным распределением полномочий и ответственности, а

1 РАФАЛЬСКИЙ С. «Слона-то не приметил...» // Русская мысль [Париж]. 1980. № 3295. С. 7.

ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ

не распоряжениями, передаваемыми по бюрократической цепочке. Постоянно сталкиваясь с необходимостью управлять чужими территориями, правители России неизменно брали курс на централизацию и сосредоточивали всю политическую власть в руках подотчетных им чиновников»².

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ
РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

Пайпс излагал свои мысли предельно четко, ясно, убедительно и афористично. Кроме того, он неизменно вызывал возражения. Производимая им оценка того влияния, которое политическая культура России оказывает на социально-политическое развитие страны в режиме *longue durée* – отразившаяся, в частности, в вышеприведенной цитате, – оставалась отличительной особенностью Пайпса-историографа на всем протяжении его карьеры. Исходя из этого русские националисты нередко обвиняли его в русофобии. Пайпс же в свою очередь упрекал российских и советских чиновников и интеллигентов в антисемитизме.

В настоящей статье я показываю, что Пайпс последовательно обосновывал свою интерпретацию взаимоотношений между властью и обществом в России теми предпосылками, которые были заложены в ее подспудной и живучей политической культуре. Высказывая обоснованные опасения относительно антидемократических и антисемитских мотивов, присутствующих в ней, он горячо и искренне любил высокую русскую культуру. Его научная деятельность в значительной мере была посвящена тому, чтобы побудить русских приобщиться к политическому либерализму и верховенству права – иначе говоря, обвинения Пайпса в русофобии безосновательны. С профессиональными суждениями относительно русской истории, которые сформулировал Пайпс, невозможно не считаться. Культура и этничность играют ключевую роль в предложенных им исторических трактовках, а неприятие насилия предопределило мотивацию всех его научных изысканий. Еврейская идентичность Пайпса стала отправной точкой всего его жизненного пути и профессионального становления.

ПАЙПС И ИУДАИЗМ

«Отец весьма скупое говорил о своей вере, – писал Дэниел Пайпс, сын Ричарда Пайпса, автору этих строк. – В результате я иногда сталкивался с ее симптомами – например, с соблюдением некоторых еврейских обрядов или категоричностью суждений по каким-то религиозным вопросам, – но почти

2 SULZBERGER C.L. *Foreign Affairs: Communists on the Head of a Pin* // The New York Times. 1957. June 19. P. 12.

ничего не знал о глубине его религиозного чувства»³. Таким образом, не было никакой возможности выведать хоть что-нибудь стоящее об этой стороне жизни великого историка, не погрузившись в изучение его дневников и прочих личных записей. Эта работа была проделана после кончины профессора Пайпса в мае 2018 года. Изученные материалы проливают свет на события его жизни и сопутствующие переживания, относящиеся к 1943–1948 годам, и чуть менее подробно освещают последующий период – вплоть до 1958-го. Они позволяют увидеть постепенное становление его религиозных убеждений и оформление еврейского самосознания.

В 21 год Пайпс твердо верил в бытие Бога и его неустанную заботу о людях. «Хотя я не считаю себя последователем какой-либо религии или церкви, вера в существование Господа и в его попечение обо мне глубоко укоренилась в моей душе», – гласит дневниковая запись от 24 августа 1943 года, сделанная после того, как Пайпс узнал о выданном ему Корпусом армейской авиации предписании отправиться в Корнелльский университет для прохождения курса по изучению России⁴. Но в ту пору своей жизни Пайпс еще не был последователем иудаизма или какого-то иного вероучения.

Весной 1945 года Пайпс посетил англиканскую службу вместе со своим сослуживцем Биллом Смитом. «Я преклонил колени, затем встал, сделав вид, что пою, а потом, сохраняя смиренный вид, снова преклонил колени, – рассказывает он. – Чувствовал себя как священник в кабаке. Ну и пусть, ведь все это ничего не значит»⁵. Тем не менее Пайпс нередко благодарил Бога за его милосердие. В августе 1945-го, когда завершилась война с Японией, он сделал запись о посещении церкви в Итаке, штат Нью-Йорк («...куда я захаживал с Билли»): «В подобный день всякий готов благодарить любого бога или пророка за окончание войны»⁶. В канун Рождества того же года, находясь в родительском доме в Эльмире, штат Нью-Йорк, Пайпс и друзья, среди которых была и его будущая жена Ирэн, собрались за «веселым праздничным столом», а после ужина «как водится, обменялись подарками»⁷. (Речь идет о христианском торжестве, поскольку Хануку в тот год отмечали рано: празднования завершились еще 7 декабря.) В доме родителей будущего историка неизменно отмечали Рождество. В середине 1930-х семья пять лет жила в Варшаве, в одной квартире с христианами Бюргерами, которые оставались «самыми близкими друзья-

3 Из письма Дэниела Пайпса автору, 14 ноября 2020 года.

4 Diary № 4, 1943–1944. Pipes Personal Papers (далее – PPP). Автор глубоко признателен Ирэн Пайпс за предоставление доступа к этим документам.

5 Chronicle: January–August 1945. PPP.

6 Ibid.

7 December 24, 1945. Diary № 5, January 1945 – August 1946.

ми на всю жизнь»; те устраивали «чудесные рождественские праздники». (Пайпсы вновь ненадолго поселились с ними, переехав в 1940-м в США⁸.) На фото, сделанных в 1944 году, Пайпс позирует в военной форме у праздничной елки⁹. Впоследствии он замечал, что «мигающая зеленая елка, горы подарков и пение “Святой ночи”» делают Рождество прекрасным. Согласно воспоминаниям Пайпса, его отец утратил веру после Холокоста¹⁰. По-видимому, христианский праздник с присущими ему красотой и теплом органично вписался в жизненный уклад семьи, которая не стремилась жить по канонам иудаизма.

Из записок Пайпса мы знаем, что в феврале 1945 года он пожертвовал пять долларов Красному Кресту, собиравшему средства для помощи польским евреям¹¹. (В бумагах упоминается о двух подобных пожертвованиях, оба раза в пользу евреев¹².) В тот же период молодой человек размышлял о предметах, связанных с иудаизмом. Так, в октябре того же года у него состоялся «жаркий спор» с будущим тестем из-за евреев. «Не могу принять недоверия и ненависти, которые некоторые евреи питают в отношении христианства и христиан, – пишет Пайпс. – Я не согласен также с обособлением еврейского случая от ситуаций с иными гонимыми меньшинствами»¹³. По-видимому, в то время Пайпс становился более религиозным: например, в записи, сделанной в ноябре 1945 года, он упоминает о своей «обычной ежевечерней молитве»¹⁴.

Не исключено, что Пайпса привлекал рационализм, присущий протестантской мысли. В 1945-м и в первом полугодии 1946-го, все еще находясь на военной службе, он прочитал множество старых и новых книг по литературе, праву, истории, социологии, политике и философии. Особое внимание уделялось трудам мыслителей, творивших на заре протестантизма – таких, как Мартин Лютер, Жан Кальвин, Филипп де Дюплесси-Морне, Ульрих Цвингли, Гуго Гроций, Ричард Хукер, Роджер Уильямс, Джон Мильтон, Томас Гоббс, Уильям Тиндейл. (В круг чтения, впрочем, входили и более поздние протестантские теологи – например, Эрнест Трельч.) Возможно, интерес Пайпса к трудам этих авторов был созвучен его готовности посещать протестантские богослужения.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

8 См.: PIPES R. *Vixi: Memoirs of a Non-Belonger*. New Haven; London: Yale University Press, 2003. P. 18, 22, 41. [Пайпс Р. *Я жил. Мемуары непримкнувшего*. М.: Московская школа политических исследований, 2005. С. 37, 57, 71. В дальнейшем все цитаты из этой книги будут даваться по русскому переводу. – *Примеч. ред.*]

9 Автор признателен Дэниелу Пайпсу за копии фотографий.

10 PIPES R. *Vixi...* P. 23, 56. [Пайпс Р. *Я жил...* С. 44, 94.]

11 February 28, 1945. *Chronicle*: January–August 1945.

12 Пайпс также интересовался возможностью трудоустройства в Администрации помощи и восстановления ООН – вероятно, тоже с целью помогать беженцам-евреям. См.: May 9, 1945. *Chronicle*: January–August 1945.

13 October 7, 1945. *Diary* № 5, January 1945 – August 1946.

14 November 6, 1945. *Ibid.*

К католической церкви Пайпс относился иначе. Летом 1946 года, посмотрев пьесу «Тень и материя» ирландского драматурга Пола Винсента Кэрролла, разделявшего идеалы католицизма, но при этом остро обличавшего пагубное влияние клерикализма на ирландское общество, Пайпс оставил в дневнике следующую запись: «Все, что имеет отношение к католической церкви, я нахожу омерзительным»¹⁵. Возможно, подобное отношение формировалось под впечатлением от дискриминации и угнетения, которым католическое большинство в довоенной Польше подвергало польских евреев. Тягостные мысли о том времени посещали Пайпса не раз. Летом 1943 года, оказавшись в американской армии, Пайпс делится мечтанием о том, что служба, возможно, когда-нибудь позволит ему вернуться в Польшу – «но не забитым, гонимым и высмеиваемым изгоем, чью религию и чье происхождение общество не приемлет, а хозяином положения, человеком, в чьих руках окажутся судьбы тех, кто раньше притеснял евреев материально и духовно»¹⁶.

Вероятно, переломным моментом в осмыслении (или переосмыслении) собственного еврейства для Пайпса стало получение в августе 1945 года письма от «дорогого друга» Александра (Олека) Дызенхауса, жившего в итальянском городке Тоди. «Днями напролет не могу взяться за дела, – делился его автор. – Чувствую себя то окрыленным, то подавленным, у меня явная меланхолия, но при том я счастлив в душе и преисполнен религиозной веры»¹⁷. Начинаясь духовный сдвиг получил новый импульс в декабре, когда Пайпсу доставили весточку от Ванды Элельман, сообщавшей, что она жива. Ванда, его первая любовь, сумела выпрыгнуть из товарного вагона, который вез ее в газовые камеры Трешлинка, и уцелела, оказавшись в числе полков, угнанных на работы в Германию¹⁸. «Вечером, отправившись в постель, я чуть не плакал, молясь и благодаря Господа за то, что он услышал мои прошлые молитвы», – записал Пайпс в дневнике¹⁹. Вместе с тем в канун христианского Рождества он и его родители снова собрались «на веселое праздничное застолье» и, «как водится», обменялись подарками.

Весной следующего года, в канун Песаха, Пайпс «впервые чуть ли не за восемь лет» посетил синагогу со своим будущим тестем, а потом принял участие в севере – ритуальной праздничной трапезе. Позже Пайпс записал: «Для меня в этих религиозных ритуалах нет ни ценности, ни смысла, но Ирэн

15 July 18, 1946. Daily Chronicle. С 15 июня 1946 года хроники текущих событий, фиксируемых Пайпсом, становятся ежедневными.

16 June 16, 1943. Diary № 4, 1943–1944.

17 April 26, 1945. Chronicle: January–August 1945.

18 См.: PIPES R. *Vixi...* P. 55. [Пайпс Р. *Я жил...* С. 92.]

19 December 18, 1945. Diary № 5, January 1945 – August 1946.

они явно доставляют неизъяснимую радость»²⁰. Вероятно, их женитьба, состоявшаяся в сентябре 1946 года, тоже повлияла на становление еврейской идентичности Пайпса – тем более, что церемонию бракосочетания провел известный раввин-ортодокс Давид де Сола Пул. В дневнике новоявленного супруга осталась запись о том, что «за неделю [медового месяца], проведенную в Новой Англии, местный рацион заставил то-сковать по родной (то есть, еврейской) еде». В ходе того же свадебного путешествия молодая чета с «огромной радостью» обнаружила в городке Вифлееме, штат Нью-Гэмпшир, большую еврейскую общину²¹. В декабре того года Пайпс и его супруга навестили его родителей в Эльмире; комментируя этот визит в дневнике, он признается: «Рождество [...] утратило для меня свое волшебное очарование»²².

В последующие годы чета Пайпс принимала приглашения на ежегодное празднование Песаха либо дома у родителей Ирэн в Нью-Йорке, либо же дома у ее родственников в Стэмфорде, штат Коннектикут²³. Начал ли тогда будущий историк проникаться магией еврейских обрядов? Нам едва ли удастся отыскать ответ на этот вопрос, хотя в мемуарах упоминается, что в то время он добросовестно «посещал службу по большим праздникам, соблюдал пост перед Йом Кипуром и воздерживался от хлеба в течение восьми дней еврейской Пасхи», а также участвовал в седере и возжигал свечи на Хануку²⁴.

Судя по дневникам, в последующую пару лет Пайпс, по-видимому, был слишком занят, чтобы глубоко погружаться в духовные или религиозные раздумья. В феврале 1948 года он назвал то время «насыщенным» и «счастливым», но отметил, что «приучился уделять меньше внимания своим мыслям и чувствам»²⁵. В последующих записях Пайпс лишь изредка обращается к Божественному; например, через несколько месяцев после рождения сына Дэниела он назовет ребенка «самым драгоценным из Божьих даров»²⁶. Время от времени он продолжает рассуждать в религиозном ключе – как, в частности, в декабре 1950 года, когда в дневнике появляется запись о том, что «истинно верующий человек знает ответ прежде, чем ему зададут вопрос»²⁷. Вероятно, он считал себя именно таким человеком. Впрочем, еще через год Пайпс признавал, что до зрелой религиозности ему все-таки еще очень далеко: «При-

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

20 April 15, 1946. Chronicle for 1946.

21 September 6, 1946. Daily Chronicle, 1946.

22 December 1946. Daily Chronicle, 1946.

23 Беседа автора с Ирэн Пайпс, 14 ноября 2020 года.

24 PIPES R. *Vixi...* P. 23. [Пайпс Р. *Я жил...* С. 45.]

25 February 9, 1948. Diary November 6: 1946 to August 1952.

26 January 20, 1950. Chronicle for 1950.

27 December 15, 1950. Diary November 6: 1946 to August 1952.

общение к религии в раннем детстве или ранней юности, когда человека еще не познал глубин любви, радостей творчества, страха смерти, может навсегда помешать прийти к Богу»²⁸.

Не исключено, что, когда в октябре 1954 года Пайпс описывал в дневник одаренного ребенка, более чуткого и восприимчивого, чем сверстники, он имел в виду себя. Для такого ребенка, пока он не повзрослеет, «восприимчивость оборачивается одиночеством и отчуждением»; позже, однако, он почувствует, что «с этим миром его связывает нечто большее – а именно, пребывание во власти Божьей. И тогда на смену одиночеству и отчуждению приходит беспримерное чувство безопасности и сопричастности всему живому»²⁹. Судя по написанному и сказанному Пайпсом в последующие годы, описанное здесь чувство не покидало его никогда.

В конце ноября 1954 года Пайпс перечитывает дневниковую запись, сделанную им в октябре 1939-го. «Три года спустя почти все евреи в Варшаве были мертвы, – сокрушается он. – Если бы не случай, среди убитых мог бы оказаться и я»³⁰. Несомненно, подобные мысли тяготили Пайпса и, судя по текстам мемуаров, укрепляли его в вере. Кроме того, они вполне могли заставить его задуматься о своем еврейском происхождении – хотя прямых указаний на это в дневниках нет.

В начале 1955 года 32-летний Пайпс попытался тезисно изложить философские основы иудейской этики:

«Природа любой этики метафизична, но именно этого антропологи и не понимают. Еврейские обычаи всецело построены на этике, поскольку по большей части они с железной логикой выводятся из тех всеобщих законов, которые регулируют отношения между Богом и человеком. Разумеется, в других обществах тоже могут быть свои законы, но там они складываются в силу прецедента, традиции и тому подобного: то есть они лишены этической природы. Можно было бы сказать, что еврейский обычай носить бороду является по сути этическим, а обычай делать обрезание к числу таковых не относится. [...] Даже откровенные негодяи, атеисты, материалисты, “космополиты” и ренегаты среди евреев неизменно полагаются на веру в единство мироздания. В этом смысле религиозная вера глубоко заложена в сознание каждого из нас. Мне по крайней мере еще не доводилось встретить еврея, по отношению к которому это наблюдение не было бы точным»³¹.

Скорее всего здесь мы имеем дело не с абстрактными рассуждениями: Пайпс пишет о себе. Позже в мемуарах он признается: «Меня бесконечно восхищает способность моих предков

28 March 6, 1951. Ibid.

29 October 14, 1954. Diary for 1954.

30 November 11, 1954. Diary for 1954.

31 January 31, 1955. Diary for 1955.

выжить во враждебном мире и, несмотря ни на что, сохранить преданность своей вере в течение двух тысяч лет»³². В 1972 году, посещая с сыном Дэниелом развалины Карнакского храма в Луксоре, Пайпс поделился с ним следующим наблюдением: «Несмотря на их мощь и величие, древние египтяне исчезли две тысячи лет назад. А мы же, евреи, некогда бывшие в Египте рабами, до сих пор живы – и процветаем»³³.

В 1958 году, в последнем из своих дневников, Пайпс рассуждает о конфликте между традиционным иудаизмом и потребностями современного общества:

«Основная проблема, с которой сталкивается современное эмансипированное еврейство, – это неспособность иудаизма соответствовать индивидуалистическим устремлениям. Индивидуализм между тем есть наше национальное и коллективное кредо»³⁴.

Подобные рассуждения вкупе с неконформизмом, неприятием «коллективного мышления» и преклонением перед свободой личности как высшей ценностью – автобиография Пайпса снабжена подзаголовком «Мемуары непримкнувшего», а ее автор именует себя «консервативным анархистом» – помогают понять довольно необычное отношение Пайпса к вере предков³⁵. Используя терминологию Гарри Вульфсона, философа и историка из Гарвардского университета, Пайпса можно назвать «ортодоксальным евреем, не соблюдающим обряды»³⁶. «Весьма верен иудаизму душой, но не так сильно в жизни», – так характеризует своего отца Дэниел Пайпс³⁷.

Вышеприведенные выдержки из дневников и автобиографических текстов позволяют выделить ключевую черту культурно-антропологической мысли Пайпса – а именно, стремление к эссенциализации базовых особенностей национальных культур, которое распространялось не только на евреев, но также на немцев и русских.

ПАЙПС О РАСЕ, ЭТНИЧНОСТИ И КУЛЬТУРЕ

Гонения на европейских евреев накануне и в годы Второй мировой войны, вне всякого сомнения, повлияли как на мировоззрение Пайпса-историка, так и на мироощущение Пайпса-человека. Пайпс тяжело воспринимал известия о Холокосте,

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

³² PIPES R. *Vixi...* P. 24. [Пайпс Р. *Я жил...* С. 46.]

³³ Из письма Дэниела Пайпса автору, 25 февраля 2020 года.

³⁴ June 27, 1958. *Diary for 1958*.

³⁵ PIPES R. *Communism: The Vanished Specter*. Oslo; Oxford: Scandinavian University Press; Oxford University Press, 1994. P. 81.

³⁶ PIPES R. *Vixi...* P. 23. [Пайпс Р. *Я жил...* С. 45.]

³⁷ Из письма Дэниела Пайпса автору, 27 сентября 2020 года.

хотя эти переживания почти не отразились в его дневниках. Будучи по натуре крайне впечатлительным, он впоследствии избегал книг, фильмов или снимков, отсылающих к Холокосту. «Каждый конкретный случай этой бойни, о котором я читал, и каждая фотография, которую я видел, навсегда врезались мне в память и живут там как страшное напоминание о чудовищном преступлении», – писал он в мемуарах³⁸.

Несмотря на симпатии к немецкой культуре, Пайпс приходил к неслетным умозаключениям по поводу немцев. Так, в ноябре 1943 года он возмущался:

«Я настолько презираю немцев, что больше никогда не возьмусь читать Ницше. Их тупое самолюбование, идиотские разглагольствования о страдании за весь мир и способности сдвинуть горы одним усилием воли, горестные взывания к судьбе – о, они надоели мне до тошноты! Горько осознавать, что эта немецкая дурость столь долго на меня влияла»³⁹.

В юности Ницше был любимым писателем Пайпса. Более того, немецкий романтизм XIX века заметно повлиял на его восприятие мира. До начала академических штудий, о которых говорилось выше, круг чтения будущего историка «преимущественно составляли такие авторы, как Ницше, Шопенгауэр, Гёте, Новалис, Гейне и польские романтики». Впрочем, одна «немецкая» черта все же сохранилась и на будущее. «Я никогда не сомневался, – пишет Пайпс, – что мои инстинкты и чувства безмерно сильнее рассудка – казалось, я способен просто “ощущать” мир». И хотя Пайпс, понимая, что «“чувство” не может подменить собой знание»⁴⁰, постоянно наращивал массив осваиваемой информации, в основе его научных занятий всегда лежали живые эмоции.

Пайпс не отвергал немецкую науку как таковую. В 1946 году он клятвенно пообещал себе «основательно погрузиться в изучение текстов Макса Вебера о политике и обществе; Эрнста Трёльча – о социальной роли религии; Отто фон Гирке – о праве и социуме; Вильгельма Дильтея – об истории культуры»⁴¹. Более того, в 1950 году он писал Марку Раеву: «Если сейчас я не освою Канта, то потом едва ли достигну многого»⁴². Спустя пять лет Пайпс схожим образом оценивал значимость своего знакомства с Вебером: «Едва ли я когда-нибудь смогу полностью высвободиться из-под его влияния»⁴³. Со временем,

38 PIPES R. *Vixi...* P. 55. [Пайпс Р. *Я жил...* С. 93.]

39 November 1, 1943. *Diary* № 4, 1943–1944.

40 April 30, 1945. *Diary* № 5, January 1945 – August 1946.

41 February 15, 1946. *Chronicle for 1946*.

42 *Richard Pipes to Marc Raeff, July 28, 1950* // DALY J. (Ed.). *Pillars of the Profession: The Correspondence of Richard Pipes and Marc Raeff*. Leiden; Boston: Brill, 2019. P. 87.

43 *Richard Pipes to Marc Raeff, June 4, 1955* // Ibid. P. 157. Занятно, что, описывая в 1946 году желание порвать с романтизмом, Пайпс тоже использовал слово «высвободиться».

однако, он стал более скептически относиться к немецкой науке, а в 2010 году и вовсе назвал ее «пройденным этапом»⁴⁴.

К концу жизни Пайпс пришел к выводу, что Холокост не был бы возможен нигде, кроме Германии. Обосновывая этот тезис, он ссылаясь на два фактора. Первым выступало немецкое чувство долга, неприятие снисхождения к людям и их слабостям (и вытекающая отсюда склонность обращаться с человеком как с вещью – она, по мнению Пайпса, проявлялась в удовольствии, которое испытывали нацистские палачи, снимая свои зверства на фотопленку). Вторым было гипертрофированное превознесение немцами ценности и значимости гигиены, чистоты и порядка. При этом Пайпс уточнял:

«Во-первых, речь идет не о генетических, а о культурных особенностях, которые отражают воспитание и не имеют ничего общего с таким понятием, как “раса”. [...] Немецкие евреи благодаря тому, что они выросли в той же культуре, что и их арийские соотечественники, походили на них больше, чем, к примеру, на польских евреев. Во-вторых, утверждение, что представители какой-нибудь национальности склонны вести себя определенным образом, конечно, не означает, что все ее представители будут вести себя так же. Это просто обобщенное описательное утверждение, смысл которого скорее верен, чем ошибочен»⁴⁵.

Хотя Пайпс объяснял сущностные различия между обществами прежде всего культурными факторами, отрицая их укоренение в биологии, ключевой особенностью его антропологии было допущение определенных сущностных и неотъемлемых культурных характеристик, изначально присущих народам. И если индивиды способны освобождаться от этих доминантных привязок, то целые культуры – нет; во всяком случае подобное не происходит быстро и не дается безболезненно. В интервью 1991 года он высказывался об этом так:

«Общества, как и люди, суть живые организмы. Они не машины, детали которых заменяются в любой момент. Вовсе нет. Общества всегда тяготеют к своей исходной форме и преобразуются крайне медленно – если вообще преобразуются. В этом плане они подобны животным: покупая себе терьера, вы же не рассчитываете в один прекрасный день выдрессировать из него лабрадора!»⁴⁶

Пайпс отвергал теории, трактовавшие общества как *tabula rasa*. Антропологические воззрения основателей подобных доктрин – в частности, Джона Локка и Клода Адриана Гельве-

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

⁴⁴ Письмо Ричарда Пайпса автору, 1 июня 2010 года.

⁴⁵ PIPES R. *Vixi...* P. 57 fnnt. [ПАЙПС Р. *Я жил...* С. 96 примеч.]

⁴⁶ Цит. по: MURO M. *To Russia with Loathing: What the Soviets Call the Anti-Soviet Professor: Comrade* // The Boston Globe. 1991. May 18. P. 12.

ция – допускали неограниченную способность людей и культур к трансформациям, подталкиваемым образованием и законами. Именно такой подход, по убеждению Пайпса, лег в основу теоретических построений социалистов и коммунистов⁴⁷. Коммунизм, полагал он, был обречен именно из-за того, что «человеческий материал», с которым пришлось работать его творцам, оказался далеко не таким пластичным, как они рассчитывали⁴⁸.

Хотя Пайпс считал человеческую природу и человеческие культуры преимущественно статичными, его суждения на этот счет не были столь прямолинейными, как могло показаться на первый взгляд – в них было множество нюансов, заметных не сразу. Он стремился проводить «четкое различие между русскими правительствами и русским народом, с одной стороны, и между образованными русскими и населением вообще, с другой». Пайпс, по его собственным словам, испытывал к русской интеллигенции «глубокое восхищение и симпатию»:

«Когда я читаю прозу Тургенева, Толстого или Чехова, поэзию Пастернака и Ахматовой, когда слушаю песни Окуджавы и Высоцкого или вижу героизм Сахарова, я чувствую себя дома. Действительно, я почти что ощущаю себя русским. Но вещи представляются мне в несколько ином свете, когда я изучаю русскую политику, то есть то, что было в центре моего внимания как историка, или когда я встречаюсь с русскими, которые занимают какую-нибудь государственную должность. У русских чрезвычайно сильно развито чувство личных отношений, но им так и не удалось трансформировать человеческие привязанности в формальные неличные связи, столь необходимые для эффективного функционирования общественных и политических институтов. Поэтому им необходима “сильная рука”, чтобы регулировать их общественную жизнь, то есть вертикальный контроль, заменяющий недостающие горизонтальные связи, которые так хорошо развиты в западных обществах. Мне очень не нравится эта особенность русской действительности и совершенно не нравятся люди, которые реализуют ее»⁴⁹.

Интересно, что автор этих строк демонстрировал любопытную инверсию, когда разговор заходил об Америке: он глубоко ценил ее общественно-политическое устройство, но был разочарован культурой. Показательно, что американская литература его никогда не привлекала; снова и снова он возвращался к Тургеневу и Чехову, которые до конца жизни оставались его любимыми писателями.

⁴⁷ См.: PIPES R. *Russian Revolution*. New York: Vintage Book, 1997. P. 125–136. [Пайпс Р. *Русская революция*: В 3 кн. М.: Захаров, 2005.]

⁴⁸ ИДЕМ. *Communism: A History*. New York: The Modern Library, 2001. P. 148–149. [Он же. *Коммунизм*. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 178–179.]

⁴⁹ ИДЕМ. *Vixi...* P. 62. [Он же. *Я жил...* С. 104–105.]

Интерес Пайпса к российской интеллигенции зародился с самых ранних контактов с ее представителями. В свою первую поездку в СССР в 1957 году Пайпс обратил внимание на «повсеместную серость и монотонность, удручающие и в своем роде уникальные», но при этом «беседы со студентами и образованной публикой неизменно были в радость»⁵⁰. Человеческие качества, которые он находил в русских, внушали ему надежду. «В целом этот народ сохранил все те превосходные характеристики, которые принято ассоциировать с русским характером, – писал Пайпс своему бывшему научному руководителю. – Среди них душевная теплота, интеллектуальное любопытство и безграничное терпение»⁵¹. Наибольший энтузиазм у него вызывали знакомства с молодыми интеллектуалами и университетскими студентами. С точки зрения Пайпса, это были «поразительные люди, которых будто бы вовсе не затронули ни система, ни ее пропаганда»⁵². «Умные, свободомыслящие, эрудированные, начитанные обо всем, даже о венгерской революции», – констатировал он⁵³. Но в этом Пайпсу виделась и трагедия: советской молодежи «хватает сообразительности, пытливости и зачастую даже необходимых знаний, чтобы вершить великие дела – но у нее нет свободы, без которой все названные качества превращаются из источника радости в источник разочарования»⁵⁴. В подобном комментарии нет ни грама враждебности к русским. Как не раз повторял Пайпс, он посвящал свои исследования России не столько из-за любопытства к своему научному предмету, сколько в силу его важности и значительности⁵⁵. Едва ли можно себе представить, чтобы Пайпс посвятил жизнь изучению Германии.

Рутинная репрессивная политика советской власти «глубоко огорчала» Пайпса, а привилегии, которыми пользовались в Советском Союзе иностранцы, его раздражали⁵⁶. Между тем многие зарубежные ученые воспринимали поездку в СССР как захватывающее приключение⁵⁷. Среди тех, кто демонстрировал эту моральную отстраненность, не устраивавшую Пайпса, был его друг и наставник Исайя Берлин. В мемуарах Пайпс цитирует Берлина, упоминающего в свою очередь о критике, которой его подверг Пастернак:

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

50 *Richard Pipes to Marc Raeff, June 19, 1957* // DALY J. (Ed.). *Pillars of the Profession...* P. 219.

51 *Richard Pipes to Michael Karpovich, May 19, 1957*. Accession number (AN) 17 397. Box 2. Richard Pipes Papers. Harvard Archives (HA).

52 *Richard Pipes to Marc Raeff, June 19, 1957* // DALY J. (Ed.). *Pillars of the Profession...* P. 215.

53 *Richard Pipes to Michael Karpovich, May 19, 1957*. AN 17 397. Box 2. HA.

54 *Richard Pipes to Carl Bridenbaugh, May 18, 1957*. PPP.

55 См., например: PIPES R. *Remarks* // *Nationalities Papers*. 1986. Vol. 14. № 1–2. P. 44.

56 DALY J. *The Unknown Richard Pipes: On the Craft and Philosophy of History* // *Ab Imperio*. 2019. № 1. P. 248.

57 Подробнее об этом см.: FITZPATRICK S. *A Spy in the Archives: A Memoir of Cold War Russia*. London; New York: I.B. Tauris, 2014.

«Вот мы оба в России, и, куда бы ни упал взгляд, все было омерзительно, ужасно, отвратительный свинарник, но я казался явно излучающим бодрость. [...] Я был не лучше [по словам Пастернака], чем любой иностранец, который ничего не увидел и был в плену абсурдных заблуждений, которые сводят с ума бедных и несчастных русских»⁵⁸.

Кто-то мог бы возразить, что ситуация с чернокожими в Америке того времени была ничуть не лучше. Например, Эббот Глисон, некогда написавший докторскую диссертацию под руководством Пайпса, считал «опыт движения за гражданские права в Соединенных Штатах самым ярким напоминанием о несомненном факте: у нас нет никаких оснований гордиться тем, что мы, американцы, представляем собой в историческом плане»⁵⁹. Пайпс отнюдь не был безразличным к страданиям афроамериканцев: об этом мне известно и от него самого, и от его сына Дэниела. По словам Пайпса-младшего, среди самых ранних воспоминаний о том, как его отец воспринимал эту тему, были «во-первых, присущие ему как европейцу смущение и негодование из-за процветания этого позорного явления в США, лично наблюдаемого им на протяжении первых 25 лет американской жизни, а во-вторых, воодушевление и облегчение, пережитые им в середине 1960-х, когда проблема, как представлялось, была окончательно решена». Дэниел вспоминает о каникулах 1964 года, которые семья проводила в летнем домике в Чешэме, штат Нью-Гэмпшир. Именно тем летом, в середине июня, сенаторы одобрили Акт о гражданских правах, который 2 июля был подписан президентом Линдоном Джонсоном. Дэниел вспоминает, как он и его родители день за днем следили за ходом всей этой законотворческой процедуры⁶⁰. И, таким образом, у Пайпса-старшего появились все основания впоследствии говорить: в СССР никто как не имел, так и не имеет гражданских прав, а в США даже некогда обделенное ими меньшинство, в конце концов, получило возможность отстаивать свои гражданские права в суде⁶¹.

«РОССИЯ ПРИ СТАРОМ РЕЖИМЕ»

Пайпс изложил свое видение политической культуры России в работе «Россия при старом режиме», которая продумывалась

58 PIPES R. *Vixi...* P. 70. [Пайпс Р. *Я жил...* С. 116.]

59 GLEASON A. *Totalitarianism: The Inner History of the Cold War*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 4.

60 Письмо Дэниела Пайпса автору, 15 июля 2020 года.

61 В письме, адресованном изданию «The New York Times Book Review» в 1977 году, Пайпс писал: «Я не вижу ни малейших подтверждений готовности нашего общества отказаться от привычных для него комфорта и удовольствий перед лицом голода в Бангладеш или Эфиопии, геноцида в Камбодже или же массовой безработицы в самих США» (File 77/3/27. AN 14 511. Box 1. HA).

на протяжении двух десятилетий. В 1955 году на международном конгрессе историков в Риме Пайпс рассуждал о том, почему Россия «по-прежнему оставалась автократией в то время, когда вся Европа уже отвергла этот принцип государственного управления». Изложенный кратко, ответ Пайпса сводился к тому, что за этим стояло мощное консервативное движение русской интеллектуальной мысли, родоначальником которого стал Николай Карамзин, закладывавший основы российской историографии в целях апологии российского самодержавия⁶².

В отдельном эссе, посвященном автору «Истории государства Российского», Пайпс писал, что Карамзин поддерживал монархию в России не в силу своих философских убеждений, но исходя из практических соображений, с учетом огромной территории страны и ее исторического опыта. Русский историк считал самодержавие «исконной и единственной политической конституцией России, прочным фундаментом ее целостности, силы и процветания»⁶³. Подобно Монтескье, Карамзин верил в верховенство права, но если французский философ поддерживал разделение властей, то русский историк ратовал за их слияние. По мнению Пайпса, «просчет Карамзина заключался в том, что он не смог объяснить, каким образом следует разумно ограничивать политическую власть, не подчиняя ее контролю извне». Пайпс считал эту проблему «одной из ключевых проблем российской политики»⁶⁴.

Размышляя над ней, он пришел к выводу, что двумя наиболее действенными инструментами контроля над людьми и имуществом выступают суверенитет и собственность, а наилучшим способом ограничения власти правителей оказывается распределение собственности между многими членами общества. Он изложил эти мысли в рукописи, в которой проводил идею о том, что русская государственная власть обязана своим могуществом запоздалому развитию частной собственности в России. Издатель журнала «*American Historical Review*» согласился опубликовать текст только при условии его существенной переработки, которой Пайпс заниматься не стал⁶⁵. Вместо этого весной 1961 года он развил свою идею в университетском курсе лекций по истории средневековой России⁶⁶.

На следующий год Пайпс пребывал в состоянии чрезвычайного возбуждения в связи с выпавшей ему возможностью

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

62 См.: PIPES R. *Russian Absolutism – Its Nineteenth Century Apologists* // *Atti del X Congresso Internazionale*. Rome: Giunta Centrale per gli Studi Storici, 1955. P. 647–652.

63 IDEM. *Karamzin's Conception of the Monarchy* // MCLEAN H., MALIA M., FISHER G. (Eds.). *Russian Thought and Politics*. Cambridge: Harvard University Press, 1957. P. 50.

64 Ibid. P. 54, 57–59.

65 *Richard Pipes to Boyd C. Shafer, editor, American Historical Review, May 24, 1960. PPP.*

66 PIPES R. *Vixi...* P. 112–113. [ПАЙПС Р. *Я жил...* С. 182.]

прочитать лекцию о русском консерватизме в ленинградском университете – то есть представить свои взгляды без предварительного согласования с коммунистическими цензорами⁶⁷. Упоминая об этом случае в дневнике, Пайпс объясняет, чем именно для него ценно изучение истории России:

«Вопросы, которые поставило и продолжает ставить развитие России, в определенных аспектах являются фундаментальными вопросами нашего времени. В какой мере необратимый ход истории определяют силы, неподконтрольные человеку? В праве ли кто-либо принести в жертву счастье или даже саму жизнь одного поколения ради блага будущих поколений? Возможно ли, опираясь на науку, проектировать развитие индивидов и социумов?»⁶⁸

Иными словами, глубокая научная заинтересованность Пайпса объяснялась уникальностью России как политического образования, драматизмом советского социального эксперимента, явным, хотя и не полным, отклонением страны от общеевропейских процессов развития.

Важным источником, позволяющим изучать русскую инаковость, Пайпс считал дневники и отчеты европейских путешественников, посетивших Московскую Русь. Этот источник высоко ценили и дореволюционные русские историки: наиболее выдающийся среди них, Василий Ключевский, чьими трудами Пайпс искренне восхищался, посвятил изучению путевых заметок иностранцев целую книгу⁶⁹. В 1966 году Пайпс и Джон Файн, который был на тот момент его аспирантом, подготовили к публикации путевые заметки, оставленные английским путешественником XVI века Джайлсом Флетчером. В предисловии к этой книге Пайпс описал отношение Флетчера к России, которое ощутимо напоминало его собственное:

«Антипатии [Флетчера] неизменно вызывал режим, а не народ. Флетчер отзывался о русских как о народе “рассудительном”, “от природы смекалистом” и сожалел о том, сколь малы возможности русских проявить эти качества. [...] надеялся, что однажды у России появится правительство “более разумное и человеколюбивое”. Флетчер вовсе не считает, что тирания есть следствие недостаточной цивилизованности народа. Наоборот, он четко говорит нечто противоположное: это народ пребывает в дикости потому, что им правят тираны. Иначе говоря, тирания способствует варварству – таков один из принципиальных выводов Флетчера»⁷⁰.

67 ИДЕМ. *To Russians on Russia*, 1962. HUG(FP)98.45. Box 2. Folder «Unfinished article on trip to USSR». 15 pp. HA.

68 DALY J. *The Unknown Richard Pipes*... P. 273.

69 Ключевский В.О. *Сказания иностранцев о Московском государстве*. Пг.: Первая государственная типография, 1918. Подготовка англоязычного перевода этой работы и его редакция составили последний (и незавершенный) научный проект Пайпса, которым он занимался в 2015–2016 годах, прежде чем полностью отойти от академической деятельности.

70 PIPES R. *Preface* // FLETCHER G. *Of the Russe Commonwealth*. Cambridge: Harvard University Press, 1966. P. 33.

Позже Пайпс сам углубился в изучение основных русских проблем, обозначенных Флетчером. Слабая социальная мобильность, беззаконие и произвол, а также безразличие правящих элит к народу стали главными темами книги «Россия при старом режиме».

С этой проблематикой было тесно связано исследование пред-революционной России и русской революции 1917 года, которым Пайпс занимался в 1965-м⁷¹. Он не соглашался с Николаем Бердяевым, полагавшим, что «в душе русского народа есть такая же необъятность и устремленность в бесконечность, как и в русской равнине» («разве нельзя приписать нечто подобное и жителям Небраски или Аргентины?»). Пайпс также полемизировал с Максом Вебером, пренебрежительно отзывавшемся об Основных законах 1906 года как о «фиктивной конституции». Напротив, по мнению Пайпса, эти правовые акты «избавили общество от безгласия и позволили ему участвовать в государственных делах через выбираемых представителей, создав тем самым площадку, на которой граждане могли критиковать правительство без страха быть наказанными за это». Спору нет, царизм пытался задушить новорожденную легислатуру. Более того, на фоне войны и революции оказался неизбежным новый виток авторитаризма, обусловленный политической незрелостью российского общества, в которой была повинна сама русская власть. Этот рецидив пресек «процесс вызревания [гражданского] общества, способного стать противовесом государству, медленно и сбивчиво шедший на протяжении двух предшествующих столетий».

В последующие несколько лет Пайпс продолжал развивать эти идеи. Не исключено, впрочем, что экзистенциальный кризис, пережитый государством Израиль в 1967 году и связанный с Шестидневной войной, на время перенаправил его внимание с советской тематики. Его бывший аспирант Теодор Тарановски вспоминал, как в дни этой войны Пайпс, желавший быть в курсе горячих новостей и сводок с передовой, однажды появился в буфете гарвардского Центра российских исследований с маленьким транзисторным приемником:

«К тому времени, к великой радости профессора, новости стали менее тревожными, но Пайпс все еще ошутимо волновался о судьбе Израиля. Он был явно возбужден; лишь тогда я осознал, насколько значимо еврейское происхождение для его мировосприятия и его понимания России»⁷².

Майкл Станиславски, также в прошлом аспирант Пайпса, близко знавший и его семью, тоже полагал, что пережитый

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

71 *Tahoe Conference, June 1965*. HUG(FP)98.45. Box 2. 27 pp. HA.

72 См.: TARANOVSKI T. *Reminiscences (1963–1970)*. Рукопись любезно предоставлена ее автором 4 июля 2015 года.

в 1967-м страх из-за возможной гибели Израиля «заметно укрепил самоидентификацию Пайпса с иудаизмом»⁷³.

Пайпс специализировался на изучении советской национальной политики (она была темой его диссертации и первой монографии, удостоенной впоследствии награды) – и, в частности, отношении СССР к собственным мусульманским меньшинствам. Он также следил за развитием событий на Ближнем Востоке, а в 1951 году посетил Турцию и Израиль, занимаясь там интервьюированием мусульман, которые эмигрировали в свое время из Российской империи или из Советской России. На протяжении ряда лет он комментировал советскую национальную политику на научных конференциях и в научных публикациях⁷⁴. Однако лишь после Шестидневной войны Пайпс начал давать публичные комментарии и по поводу советской геополитики на Ближнем Востоке. Через два дня после начала боев Пайпс присоединился к 53 известнейшим интеллектуалам того времени – среди них оказались, в частности, столь разные люди, как социалист Майкл Харрингтон и консерватор-экономист Милтон Фридман, – которые, оплатив разворот в ведущих газетах, призвали президента США Линдона Джонсона «обеспечить свободный проход судов через пролив Тиран и залив Акаба» – единственный доступный для израильтян водный путь в Красное море, представлявший «залогом самого выживания Израиля»⁷⁵.

Несколько месяцев спустя Пайпс принял участие в панельной дискуссии «Политика России и Ближний Восток», проходившей в банкетном зале отеля «Дельмонико» на Манхэттене. Как и во многих других случаях, партнерами Пайпса-историка выступали видные профессора-политологи: Роберт Штраус-Хупе из Пенсильванского университета, Ганс Моргентау из Чикагского университета, Марвер Бернштайн из Принстонского университета и Амитаи Этциони из Колумбийского университета⁷⁶. В своем выступлении Пайпс доказывал, что Ближний Восток не входит в область стратегических интересов Советского Союза, поскольку у него в избытке и собственной территории, и нефтяных запасов, однако СССР движут соображения престижа и желание навредить США.

73 Из письма Майкла Станиславски автору, 27 сентября 2020 года.

74 См., например: PIPES R. *Muslims in the Soviet Union* // PENNAR J. (Ed.). *Islam and Communism: A Conference Sponsored by the Institute for the Study of the U.S.S.R.* New York: Institute for the Study of the U.S.S.R., 1960. P. 11–18.

75 *Americans for Democracy in the Middle East, "To Uphold Our Own Honor..." Leading Americans Speak out against Arab Threat to Destroy Israel* // The New York Times. 1967. June 7. P. 35; The Washington Post. 1967. June 7. P. 18–19.

76 *"Russian Policy and the Middle East", Conference on the Middle East in the Contemporary World. American Professors for Peace in the Middle East. Hotel Delmonico Grand Ballroom. December 9–10, 1967. HUG(FP)98.45.1. Papers of Richard Pipes. HA.*

«[Как только советские политики] осознали, что единственной вещью, связывающей их ненадежных [ближневосточных] союзников вместе, является ненависть к Израилю, [...] официальная позиция Советов по отношению к израильтянам сделалась враждебной как на словах, так и на деле. [...] Антисионистские настроения широко распространены в среде советского чиновничества, которое, будучи в массе своей реакционным, считает антисионизм легитимным прикрытием своих антиеврейских чувств»⁷⁷.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ
РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

Со временем Пайпс, опираясь на исторический анализ, выработал собственную трактовку геополитической стратегии и внешней политики СССР. Выступая в 1969 году на ежегодном собрании Американской исторической ассоциации, Пайпс обратил внимание на то, что по контрасту с интересом, который русские вызывали у европейских путешественников, москвиты почти не интересовались жителями Европы⁷⁸. Изоляционизм и даже ксенофобия были присущи представителям российских элит в гораздо большей степени, чем их европейским партнерам. Пайпс объяснял эту особенность влиянием права и низким образовательным уровнем русского духовенства и русских политических лидеров. Он противопоставлял склонность к поиску компромисса, равновесия и стабильности в международных отношениях, которая отличала руководствующихся коммерческой ментальностью европейских и американских политиков, тяготению советских лидеров к «игре с нулевой суммой», мотивированному не торговой, а добывающей экономикой.

Этот доклад Пайпса опубликовали в «The New York Times», что было весьма необычно для академического выступления⁷⁹. Кроме того, по предложению сенатора Генри Джексона его пригласили выступить перед сенатским подкомитетом, курирующим переговоры по ограничению стратегических вооружений (Дороти Фосдик, главный советник Джексона по внешнеполитическим вопросам, слушала его речь⁸⁰). В своей речи Пайпс подтвердил, что «национальный характер [...] воплощает дух не столько всей нации, сколько той социальной группы, которая в данный момент контролирует инструменты отправления власти и выражения общественного мнения»⁸¹. После революции на смену прежней вестернизированной элите пришли

77 Richard Edgar Pipes // CURTIS M. (Ed.). *The Middle East in the Contemporary World: Proceedings of the First Annual Conference*. New York: American Professors for Peace in the Middle East, 1968. P. 46.

78 См.: PIPES R. *Russia's Mission, America's Destiny: The Premises of US and Soviet Foreign Policy* // Encounter. 1970. Vol. 35. P. 3–11.

79 *Similarity Found in Policies' Bases: U.S. and Soviet Are Said to Shun European Heritage* // The New York Times. 1970. January 27. HUG(FP)98.85. Box 1. Folder 1970–1972. HA.

80 PIPES R. *Vixi...* P. 130. [Пайпс Р. Я жил... С. 209.]

81 Позже это свидетельство было опубликовано в журнале, специализирующемся на выступлениях американских политиков. См.: PIPES R. *A Historian's Reflections* // Vital Speeches of the Day. 1970. Vol. 36. № 23. P. 729.

советские лидеры – ксенофобы и антизападники. С учетом ужасающе низкого уровня жизни большинства советских людей, существенно ограниченной возможности путешествовать и получать информацию, а также отсутствия честных и свободных выборов советская элита обеспечивала легитимность своего правления, опираясь на национализм, идеологическую борьбу с внешними и внутренними врагами и, в особенности, глобальный экспансионизм. В то же время Пайпс подчеркивал, что, памятуя о тяжелых потерях, понесенных в военных конфликтах начиная с 1914 года, лишь незначительное число советских граждан желало войны, поскольку «из всех современных народов сильнее русских пострадали только евреи»⁸². Тем самым историк обнаруживал еще одну параллель между предметом своего исследования и собственной этно-религиозной группой. Рассуждая обо всем этом, Пайпс вновь оказался в центре внимания СМИ⁸³. В последующие десять лет он неоднократно выступал на конференциях и консультировал правительство США по ближневосточной политике СССР, неизменно указывая на Израиль как на оплот стабильности, демократии и противодействия проискам Советов в регионе⁸⁴.

Одновременно Пайпс продолжал изучать русский консерватизм. В начале 1970 года он обратил внимание на то, что в России социальные проблемы имели свойство накапливаться, периодически выливаясь в массовые беспорядки или крупные восстания; происходило это, по его мнению, преимущественно из-за того, что в русском контексте попытки внедрить изменения и новации всегда наталкивались на сопротивление. Как полагал Пайпс, за этим отторжением стоят три характерные особенности русской политической культуры. Во-первых, это глубоко укоренившийся консерватизм православной церкви, внутри которой даже во время раскола, произошедшего в XVII веке, главные споры кипели «не об идеях, а об иконах». Во-вторых, правители России неизменно испытывали страх перед врожденной склонностью к деструкции, присущей народным массам, «не чувствовавшим своей причастности ни к обществу, ни к государству». В-третьих, желая обезопасить себя от масштабного русского бунта, политические лидеры полагались на привилегированные элиты, а те традиционно сопротивлялись любым преобразованиям⁸⁵.

⁸² Ibid. P. 731.

⁸³ CRAWFORD K. *Dealing with Russia* // Newsweek. 1970. April 6. P. 35.

⁸⁴ См., например: *Report for Secretary of Defense James Schlesinger. November 3, 1974.* HUG(FP)98.45. Box 3. Papers of Richard Pipes. HA; *Panel on "East-West Rivalry in Southwest Asia and the Middle East". National Committee on American Foreign Policy. Conference on the American Stake in Southwest Asia and the Middle East. April 29–30, 1980.* City University of New York. HUG(FP)98.45. Box 4. Papers of Richard Pipes. HA.

⁸⁵ *Russian Conservatism. Talk at Center for Behavioral Science. January 30, 1970.* HUG(FP)98.85. Box 1. Folder 54. HA.

В августе того же года на международном конгрессе историков в Москве Пайпс заявил, что «консерватизм является доминантой в политической теории и политической практике России»⁸⁶. По его мысли, социально-институциональные основы консервативного духа закладывались в российской политике с конца XV века. Первым ретроградные настроения усвоило духовенство, потом, со второй половины XVIII столетия за ним последовало дворянство, следующим, после «предательства» монархии декабристами, на тот же путь встало чиновничество, и, наконец, к концу XIX века всех их дополнила консервативно настроенная интеллигенция, встревоженная политическим терроризмом. Консервативный настрой правящей бюрократии достиг кульминации в начале XX столетия, когда «полиция систематически использовалась для регулирования всех сфер общественной жизни»⁸⁷. Такой была ключевая идея книги «Россия при старом режиме».

Осенью 1971 года Пайпс начинает читать в университете курс лекций, в основу которого легла рукопись будущей книги: он раздавал черновики глав своим студентам, предлагая им делиться комментариями, в том числе и критическими⁸⁸. В одном из писем Карлу Виттфогелю, выдвинувшему теорию «восточного деспотизма», Пайпс говорил, что считает консерватизм одним из ключевых ингредиентов «оригинальной и самобытной» русской политической системы, альтернативой которой выступает «западный динамизм»⁸⁹. В ноябре Пайпс представил свой проект по изучению русского консерватизма в Колумбийском университете; его слушателями были примерно два десятка ученых, среди которых присутствовали, в частности, Северин Бялер, Збигнев Бжезинский и Стивен Козн. Пайпс особо подчеркивал тот «вклад, который русское бюрократическое правление – и в особенности традиция судебных и полицейских репрессий – внесло в становление советского полицейского государства»⁹⁰. Особую важность в этом контексте он приписывал чрезвычайному законодательству, принятому в Российской империи в 1879 году для борьбы с политическим терроризмом. Русские революционеры мужали, борясь с этой системой, и «закончили тем, что переняли ее приемы и методы». Исходя из этого, полагал Пайпс, истоки современного полицейского государства, сложившегося в России – советского тоталитариз-

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

86 Это выступление было опубликовано в виде журнальной статьи: PIPES R. *Russian Conservatism in the Second Half of the Nineteenth Century* // *Slavic Review*. 1971. Vol. 30. № 1. P. 121–128, 121.

87 Ibid. P. 128.

88 *Richard Pipes to N.A. Khalfin, September 17, 1971*. AN 17 397. Box 2. Folder K. HA.

89 *Richard Pipes to Karl Wittfogel, September 7, 1971*. Karl August Wittfogel Papers. Box 36. Folder 30. Hoover Institution Archives.

90 *The Historical Antecedents Stalin's Police State, University Seminar on Communism (1971–1972), Columbia University, November 3, 1971*. AN 14 511. Box 1. HA.

ма, – следует искать в имперском периоде ее истории, а вовсе не в марксистской идеологии. Причем российская политическая система не всегда была огульно репрессивной: в 1760–1780-х политических репрессий было относительно немного. К тому же, опора правительства на чрезвычайное законодательство, начиная с 1879 года, свидетельствовала не о силе, а о слабости системы государственного управления, которая в свою очередь «в значительной мере обусловила темпы саморазрушения, пережитого Россией в начале XX века». Впрочем, не менее пагубную роль сыграла и склонность властей преувеличивать масштабы политических угроз как накануне, так и после 1917 года⁹¹.

Два года спустя, выступая с докладом в австрийском Зальцбурге, Пайпс признавал, что он не считает Россию частью «Востока или Запада». Он пояснял это так:

«По моему мнению, в определенном смысле русские уникальны, причем они и сами считают себя таковыми. Мне известны только две нации, кроме русских, которые столь же искренне верят в свою уникальность – китайцы и евреи»⁹².

Таким образом, Пайпс в очередной раз обнаруживает сходство между предметом своего научного интереса и народом своих предков. Наряду с еврейской культурой он признает русскую культуру неповторимой. (Он, впрочем, испытывал искреннее восхищение и китайцами тоже⁹³.) Об этом, кстати, не мешает помнить, размышляя об обвинениях в русофобии, которые выдвигались против Пайпса и о которых речь пойдет ниже.

«Россия при старом режиме», которую Пайпс называл «монографией по социологии российской политики»⁹⁴, вышла в свет в 1974 году. В книге доказывалось, что в России, несмотря на внешнее сходство с Европой, всегда проявлялась предрасположенность к политическим репрессиям, произволу властей, авторитарному правлению, ослаблению общественных институтов. Согласно Пайпсу, традиция патримониальной политической культуры, в рамках которой правитель был собственником всех природных и человеческих ресурсов страны, понемногу начала трансформироваться в конституционное и правовое правление после преобразований Петра I; этот процесс достиг кульминации в ходе «великих реформ» Александра II. Однако набирающий силу политический терроризм в 1870-е заставил Россию вернуться на прежнюю траекторию развития – к бюрократически централизованному полицейскому государству. Нарастаю-

91 Ibid.

92 "Russia and the West and the East", transcription of USIA presentation, Salzburg, Austria, October 1973. HUG(FP)98.45. Box 3. HA.

93 PIPES R. Vixi... P. 118. [Пайпс Р. Я жил... С. 193.]

94 Richard Pipes to Nicholas Riasanovsky, January 17, 1975. AN 17 397. Box 3. HA.

щая репрессивность режима затронула также и евреев. В годы царствования Александра III «на евреев, которые, как считалось, более других подвержены крамоле, обрушилась вся мощь дискриминационных законов, написанных давно, но до сей поры применявшихся нестрого»⁹⁵. Иными словами, страх перед еврейской подрывной деятельностью стал одним из факторов, способствовавших оформлению в России полицейского режима.

Публикация книги произвела большой резонанс: помимо того, что она хорошо продавалась, ее в основном хвалили в рецензиях и перевели на несколько языков. Эдварду Кинану, бывшему аспиранту Пайпса, в середине 1970-х поручили подготовить для Государственного департамента США подробный доклад об исторических истоках российской политической культуры. Работа, представленная им в 1976 году и опубликованная с некоторыми коррективами спустя десятилетие, по большей части вдохновлялась реакцией Кинана на монографию Пайпса. Хотя Кинан пришел к тем же выводам, что и его бывший научный руководитель, он интерпретировал их иначе. Кинан признавал, что суровые условия подтолкнули русских крестьян к созданию «общественных механизмов, которые обращались с ними в манере, какую можно было бы назвать “авторитарной”». Кинан также соглашался с тем, что подобные условия препятствовали «становлению городской культуры, среднего класса, идеи личных и корпоративных прав и свобод, а также иных факторов, предопределивших переход Европы в состояние модерна», в связи с чем «некоторые историки» – сам Пайпс в докладе не был упомянут – видели в них «косвенные причины возникновения деспотических и абсолютистских политических систем». Но все эти соображения, согласно Кинану, были отнюдь не главными. Прежде всего его интересовало то, как русская политическая культура приспосабливалась к подобным неблагоприятным обстоятельствам, позволяя русской политике не только выживать, но и процветать – в значительной мере благодаря именно самобытным механизмам контроля, остававшимся «грубыми и порой даже разрушительными, но поразительно действенными»⁹⁶. Политическая культура Московии, заключал этот автор, выстраивалась вокруг олигархического контроля, фасадом которого выступал монархический абсолютизм: иначе говоря, система действительно была деспотической, но не в том смысле, в каком это виделось сторонним наблюдателям. Нэнси Шилдс Коллманн, докторантка Кинана, некогда также слушавшая лекции Пайпса,

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

95 PIPES R. *Russia under the Old Regime*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1974. P. 311. [Пайпс Р. *Россия при старом режиме*. М.: Независимая газета, 1993. С. 406].

96 KEENAN E.L. *Muscovite Political Folkways* // *Russian Review*. 1986. Vol. 45. № 2. P. 115–181. Цитаты: P. 126, 129, 130, 178–181.

в этой связи замечает: «Скептицизм Кинана стимулировался тем поколением ученых – так называемой “гарвардской школой”, – которые переориентировались с изучения канонических текстов на исследование политических реалий»; по ее оценке, труд Кинана, наряду с произведениями Пайпса, «оказал огромное влияние на последующее изучение политики Московии»⁹⁷. Таким образом, рассуждения Пайпса и Кинана дополняют друг друга, хотя эти ученые смотрят на политическую культуру России под различными углами зрения: первый изучает ее в сравнительной перспективе, а второй отдельно.

В 1976 году Пайпс применил собственную трактовку политической культуры России к анализу американской политики и стратегии в отношении СССР. Пайпс критиковал «коммерческие» и «либеральные» умонастроения тех американцев, которые уподобляли советских людей себе («они такие же, как мы»). Пайпс усматривал ту же самую покровительственную установку даже в теории модернизации, поскольку она основывается на предположении о том, что, «как только страны всего мира сравняются по уровню промышленного развития с Соединенными Штатами, все люди превратятся в американцев». Американским политикам, полагал Пайпс, необходимо уделять пристальное внимание специфике исторического развития и политической культуры России – в частности, централизующему «патримониализму» государственной власти, непрерывной экспансии, обусловленной не «расовыми или культурными мотивами», а немощью экономического развития, господству в элитах установки на то, что в политике «выживает сильнейший», а также преимущественно крестьянскому происхождению советских управленцев (образованная элита дореволюционных времен либо сгинула в репрессиях, либо отправилась в изгнание). Соответственно, в ходе исторической эволюции советского государства «антилиберальные и антидемократические импульсы» просто не могли не укрепиться еще более⁹⁸.

НОВЫЙ ВИТОК ДЕБАТОВ МЕЖДУ СЛАВЯНОФИЛАМИ И ЗАПАДНИКАМИ

Книга Пайпса заметно возбудила российских интеллектуалов⁹⁹. На рубеже 1960-х и 1970-х многие советские диссиденты черпали вдохновение в работах Петра Чаадаева, который в 1830-х

97 SHIELDS KOLLMANN N. *Muscovite Political Culture* // GLEASON A. (Ed.). *A Companion to Russian History*. Chichester: Wiley Blackwell, 2009. P. 92, 95.

98 PIPES R. *Detente: Moscow's View* // ИДЕМ (Ed.). *Soviet Strategy in Europe*. London: Macdonald and Jane's, 1976. P. 3–44.

99 Подробнее см.: HORVATH R. *The Legacy of Soviet Dissent: Dissidents, Democratisation, and Radical Nationalism in Russia*. London; New York: Routledge; Curzon, 2005. P. 152–164.

рассуждал о том, что исторически Россия всегда была склонна к авторитаризму, отсталости и мессианству¹⁰⁰. В 1969 году, обратившись к православной традиции и наследию Николая Бердяева¹⁰¹, несколько интеллектуалов подготовили самиздатовский альманах «Метанойя» («покаяние» по-гречески), приуроченный к шестидесятилетию выхода в свет сборника «Вехи». В свое время в статьях «веховцев», ведущим из которых был Петр Струве, русская интеллигенция критиковалась за маниакальную приверженность идеям, предусматривающим переустройство общества радикальными методами. Главная мысль авторов «Метанойи» была аналогичной: путь к освобождению России, утверждали они, лежит не в сфере политических преобразований, а в покаянии и духовном обновлении¹⁰². Искусствовед Евгений Барабанов, один из соавторов «Метанойи» (псевдоним В. Горский), заявлял, что «предполагаемая исключительность миссии России вот уже четыре столетия опьяняет чувства русского человека»¹⁰³, а религиозный философ Михаил Аксенов-Меерсон (псевдонимом М. Челнов), следуя той же тональности, утверждал:

«Большевики – не варяги и не татары, не пришельцы, но органическое порождение всей русской жизни, всех исторических грехов России. Коммунизм не есть внешнее зло, в котором повинна только партия и ее вожди, его ложь и преступления принадлежат всем нам, всему русскому народу»¹⁰⁴.

Подобно тому, как публикация первого «философического письма» Чаадаева побудила славянофилов XIX века встать на защиту русской культуры, так и выход «Метанойи» сплотил патристически настроенную русскую интеллигенцию. Явно реагируя на идеи, высказанные в этом альманахе¹⁰⁵, Александр Солженицын и несколько его сподвижников в 1974 году выпустили сборник статей «Из-под глыб»¹⁰⁶. В одном из четырех своих текстов, вошедших в сборник, Солженицын ополчился персонально на Горского и Челнова – в частности, не соглашаясь

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

100 См.: BRUN-ZEJMIS J. *Messianic Consciousness as an Expression of National Inferiority: Chaadaev and Some Samizdat Writings of the 1970s* // *Slavic Review*. 1999. Vol. 50. № 3. P. 646–658.

101 В особенности упоминающуюся ниже группу привлекала его работа «Истоки и смысл русского коммунизма» (Paris: YMCA-Press, 1955).

102 *Метанойя* // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1970. № 97. С. 4–96.

103 Горский В. *Русский мессианизм и новое национальное сознание* // Там же. С. 34.

104 Челнов М. *Как быть?* // Там же. С. 76. О личностях тех, кто писал под псевдонимами «Горский» и «Челнов», см.: Колесников А. *Двойное сознание русского интеллигента* // *Ведомости*. 2015. 3 сентября (www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/09/04/607466-dvoinoe-soznanie-rossiiskogo-intelligenta). Предположение Колесникова в электронной переписке с автором 12 января 2021 года подтвердил Габриэль Суперфин.

105 BRUN-ZEJMIS J. *Who Are the "Enemies of Russia"? The Question of Russophobia in the Samizdat Debate before Glasnost* // *Nationalities Papers*. 1996. Vol. 24. № 2. P. 178.

106 Агурский М.С. и др. *Из-под глыб. Сборник статей*. Paris: YMCA-Press, 1974. Англоязычное издание: SOLZHENITSYN A. (Ed.). *From under the Rubble*. Boston: Little, Brown, 1975.

с идеей последнего об «органической» природе большевизма; автор «Архипелага ГУЛАГа» указывал, что «все первые годы» революция походила на «иностранный нашествие» [из-за множественного присутствия в рядах большевиков зарубежных коммунистов. – *Примеч. ред.*] – иначе говоря, несправедливо возлагать ответственность за большевизм на весь русский народ¹⁰⁷. Суть обозначившихся разногласий можно описать так: если неозападники полагали, что причиной укоренения большевиков в России стало не столько насильственное насаждение марксизма, сколько готовность самого русского народа принять эту доктрину, то неославянофилы видели главный источник бед именно в марксизме как чужеродной и наносной идеологии. Примерно в том же, в самом общем виде, заключалась суть разногласий, разделивших Пайпса и Солженицына (а впоследствии – Пайпса и Мартина Малия)¹⁰⁸.

Борис Шрагин, советский правозащитник и недавний эмигрант, работавший на американской радиостанции «Радио Свобода», пригласил Пайпса в свой эфир, чтобы подкрепить позиции западников и противников славянофильства¹⁰⁹. Шрагин чувствовал, что ему близки воззрения гарвардского ученого на историю России; сам он, например, писал об «очевидной преемственности между системами угнетения в царское и советское время»¹¹⁰. В 1976 году Шрагин вместе с другими эмигрантами принял участие в подготовке сборника статей под заголовком «Самосознание», куда были включены выдержки из «России при старом режиме»¹¹¹. Такое дополнение возмутило интеллектуалов-националистов¹¹².

Споры о причинах советских репрессий довольно скоро вышли за пределы эмигрантских кругов. Ален Безансон, французский специалист по истории России, высоко ценивший Пайпса, не соглашался тем не менее с его идеей, что советский коммунизм был «чудовищной опухолью, которая могла возникнуть лишь в России и нигде больше»¹¹³. Весной 1979 года журнал «Russian Review» предложил высказаться по поводу построений автора «России при старом режиме» Владиславу Краснову, советскому диссиденту. Возражая Пайпсу, этот соратник Солженицына назвал его аргументы «субъективными спекуляциями относительно национальной психологии наших оппонентов» – признавая тем самым, что ненависть к совет-

107 SOLZHENITSYN A. *Repentance and Self-Limitation in the Life of Nations* // ИДЕМ (Ed.). *Op. cit.* P. 126.

108 См.: DALY J. *The Unknown Richard Pipes*... P. 252–253.

109 ШРАГИН Б. Прав ли профессор Ричард Пайпс? Расшифровка радиопередачи «Россия: вчера, сегодня, завтра», «Радио Свобода», 1980. РРР.

110 SHRAGIN B. *The Challenge of the Spirit*. New York: Knopf, 1978. P. 70.

111 ЛИТВИНОВ П. и др. *Самосознание. Сборник статей*. Нью-Йорк: Хроника, 1976.

112 См.: HORVATH R. *The Legacy of Soviet Dissent*... P. 169.

113 См. интервью Безансона французскому журналу: L'Express. № 1430. 1978. December 2–9. P. 95.

ской власти объединяет неозападников с неославянофилами, – и предположил, что «советские лидеры настолько прониклись догматами марксизма, что позабыли как о своем крестьянском происхождении, так и о здравом смысле»¹¹⁴.

В ответ Пайпс заметил, что «даже самые крайние случаи мутаций, встречающиеся в природе, не порождают абсолютно новые формы жизни» и что «история человечества тоже не знает подобных казусов». Реагируя на тезис о якобы преобразующем влиянии марксистской идеологии, Пайпс задал своему оппоненту следующий вопрос: «Почему же тогда “Манифест коммунистической партии”, написанный на немецком, не привел к установлению коммунистической диктатуры в Германии или в Англии, где его задумали, сочинили и опубликовали?»¹¹⁵. «Стоит ли России делать козлом отпущения давно почившего немецкого автора, обвиняя его во всех горестях, выпавших на ее долю?» – вопрошал Пайпс. Ведь в этой стране, добавлял он, многих патриотов, обличавших власть, институты и политическую культуру России, клеймили как приверженцев «анти-русских» убеждений¹¹⁶.

Другая линия критики приписывала Пайпсу нежелание принимать во внимание некоторые важные особенности исторического развития России, раскрывающиеся в сравнительной перспективе. В частности, историк права Марк Шефтель говорил, что русские земские соборы и система примогенитуры были похожи на аналогичные институты Западной Европы и тоже ограничивали монархическую власть¹¹⁷. Пайпс, однако, не соглашался с этим, указывая, что в России сдерживающий эффект подобных институтов был гораздо меньшим:

«Если во Франции XVII столетия эти барьеры проявляли себя довольно слабо, то в России того времени их словно и вовсе не было. Франция, пережив революцию 1789 года, все же смогла осуществить быстрый переход к *Rechtsstaat* и демократии, а для России опыт 1905–1921 годов обернулся анархией, которая потом переродилась в деспотию. Почему так получилось? Причина в том, что для России были в новинку все те идеи и институты, которые страны Запада, включая Францию, возвращали начиная со Средневековья»¹¹⁸.

К этому, собственно, сводилась суть той трактовки русской истории, которую предлагал Пайпс: по его мнению, во многом в силу географических и экономических причин российское

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

114 KRASNOW W. *Richard Pipes's Foreign Strategy: Anti-Soviet or Anti-Russian?* // *Russian Review*. 1979. Vol. 38. № 2. P. 182, 189.

115 PIPES R. *Response to Wladislaw G. Krasnow* // *Russian Review*. 1979. Vol. 38. № 2. P. 192, 194.

116 Ibid. P. 196–197.

117 SZEFTTEL M. *Two Negative Appraisals of Russian Pre-Revolutionary Development* // *Canadian-American Slavic Studies*. 1980. Vol. 14. № 1. P. 74–87.

118 *Richard Pipes to Marc Szeftel, July 24, 1980. AN 17 397. Box 4. Szeftel folder. HA.*

общество оказалось менее эффективным – в сравнении с обществами Западной Европы – в сдерживании государственной власти. (Использование оборота «в новинку» едва ли было преувеличением: к концу 1860-х, когда в России появились первые независимые суды, во Франции они действовали почти тысячу лет). Вытекавшие из сказанного институциональные, политические и социальные следствия привели к утверждению политической культуры, благоприятствовавшей авторитарному правлению и заложившей фундамент для деспотического господства большевиков – пусть и не сделав последнее неизбежным.

Шефтель ошибочно предполагал, что взгляды Пайпса в корне расходились со взглядами Михаила Карповича, его прежнего научного руководителя, настроенного весьма патриотично¹¹⁹. На самом же деле и Пайпс, и Карпович считали приход большевиков к власти государственным переворотом и соглашались в том, что те развязали гражданскую войну ради удержания власти. Оба историка оценивали развитие России накануне Первой мировой войны как успешное. Пайпс также соглашался со своим наставником в том, что русский народ, «не имея ни достаточно развитого политического сознания, ни достаточно длительного опыта самоуправления, не сумел своевременно разобраться в лживости большевистских посулов, как не сумел своевременно организовать для защиты своей свободы»¹²⁰. Пайпс тоже не подписался бы под отвергаемым Карповичем предположением об исторической неизбежности перехода России от диктатуры царизма к диктатуре красных, от монархической автократии к коммунистической автократии. На всем протяжении академической карьеры Пайпс категорически не соглашался с идеей исторической предопределенности¹²¹. Обобщая выводы, сделанные в ходе изучения русской революции, он утверждал: «Ни крушение царизма, ни захват власти большевиками не были чем-то предрешенным. Последнее, как представляется, стало итогом злополучного стечения обстоятельств»¹²².

Наконец, были и такие ученые, которые находили взгляды Пайпса на русское крестьянство фаталистическими, ложными и циничными¹²³. Например, по мнению Дональда Тредголда, высказанном в рецензии, автор «России при старом режиме» мог бы «проявить побольше внимания к позитивным моментам ее истории, побольше готовности хвалить то, что достойно похвалы, побольше сочувствия и теплоты к людям, о которых

¹¹⁹ SZEFTTEL M. *Op.cit.* P. 83–84.

¹²⁰ Карпович М. *Разрушение иллюзии* // Новый журнал. 1948. Т. 18. С. 162.

¹²¹ Подробнее см.: DALY J. (Ed.). *The Unknown Richard Pipes...*

¹²² PIPES R. *Three "Whys" of the Russian Revolution*. New York: Vintage Books, 1997. P. 8.

¹²³ См.: ИДЕМ. *Russia under the Old Regime*. P. 156–161. [ПАЙПС Р. *Россия при старом режиме*. С. 207–214.]

идет речь в книге»¹²⁴. Бесспорно, любой научный труд может иметь множество прочтений, но все же хотелось бы заметить, что Пайпс относился к русскому крестьянству с сочувствием, в основном списывая его негативные качества на социально-экономическое угнетение и суровость климата.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ
РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

ОБВИНЕНИЯ В РУСОФОБИИ И ОБВИНЕНИЯ В АНТИСЕМИТИЗМЕ

Этот аспект работы Пайпса вызвал гнев Александра Солженицына. (Пайпс отправил Солженицыну экземпляр книги уже после изгнания последнего из СССР в 1974 году¹²⁵, посчитав, что писатель благосклонно отнесется к критике режима, а также, возможно, из-за того, что сам Пайпс неоднократно соглашался с Солженицыным, цитируя его работы¹²⁶.) В 1976-м Солженицын осудил сложившиеся в западной науке трактовки России; Пайпс был удостоен им отдельного упоминания (хотя его имя и не называлось) за публикацию «псевдонаучной работы о старой России, полной ошибок, преувеличений и, вероятно, намеренных искажений»¹²⁷. Два года спустя Ирина Иловайская, преданная сторонница Солженицына, назвала труд Пайпса «откровенно мещанским», поскольку историк, по ее словам, обрушивается с критикой на любого, у кого что-то «не как у нас». Более того, эта дама обнаружила в текстах Пайпса «некую поразительную форму расизма» по отношению к русским¹²⁸. Тем временем в речи, произнесенной перед выпускниками Гарвардского университета в июне 1978 года, Солженицын упрекал Запад в избыточном внимании к легализму, автономии личности и свободе слова¹²⁹. Комментируя эту речь, Пайпс отметил, что она, «как и все, что выходит из-под пера Солженицына, излучает непоколебимую храбрость», но при этом провел вполне уместную параллель между суждениями русского изгнанника и одного из самых ярких реакционеров дореволюционной России – Константина Победоносцева¹³⁰.

В следующем году Солженицын изобличил Пайпса как приверженца ущербного западного подхода к изучению русской истории:

124 См.: *Slavic Review*. 1975. Vol. 34. № 4. P. 814.

125 *Richard Pipes to Arnold Beichman. January 1, 1988. Arnold Beichman Papers. Box 111. Folder 49. Hoover Institution Archives.*

126 PIPES R. *Russia under the Old Regime*. P. 245. [Пайпс Р. *Россия при старом режиме*. С. 322.]

127 SOLZHENITSYN A. *Remarks at the Hoover Institution, May 24, 1976* // *Russian Review*. 1977. P. 188.

128 ИЛОВАЙСКАЯ И. *Россия в отрицательно-мистическом освещении* // *Вестник*. 1978. № 126. С. 195.

129 См.: BERMAN R. (Ed.). *Solzhenitsyn at Harvard: The Address, Twelve Early Responses, and Six Later Reflections*. Washington: Ethics and Public Policy Center, 1980. P. 7–10, 53–55.

130 PIPES R. *Solzhenitsyn and the Russian Intellectual Tradition: Some Critical Remarks* // *Encounter*. 1979. Vol. 52. № 6. P. 52–56.

«[Из знакомства с книгой Пайпса читатель] может сделать лишь один вывод: гуманизм чужд русским как нации, тысячелетняя история которой оказалась бесплодной, а будущее которой видится безнадежным. [...] Из сорока с лишним тысяч русских пословиц, которые в своей совокупности образуют массив завораживающе прекрасного литературного и философского материала, Пайпс, коверкая смысл, избирательно использует только подлюжины, [...] желая показать жестокость и бездушие русского крестьянства. [...] На меня лично этот прием производит то же впечатление, какое, полагаю, на Ростроповича произвела бы игра волка на виолончели»¹³¹.

Как представляется, в работах Пайпса едва ли можно обнаружить хотя бы намек на то, что он видел в русских «антигуманизм». Возможно, Солженицын, будучи сочинителем, был склонен к преувеличению и выдумке; не исключено также, что речь шла лишь о художественном образе. Но вот что было по-настоящему негуманным, так это сравнение Пайпса с волком: ведь Вольф – одна из самых распространенных еврейских фамилий, и здесь трудно исключить антисемитские коннотации. Выдержки из этой статьи, опубликованные в «The Washington Post»¹³², побудили одного из штатных авторов газеты заметить, что «для Солженицына любая критика России сродни богохульству»¹³³.

Именно это мнимое «богохульство» стало причиной яростной критики, с которой на Пайпса (а также на Бориса Шрагина, Андрея Амальрика, Александра Янова и других эмигрантов из СССР) обрушился Игорь Шафаревич в брошюре «Русофобия», распространяемой в самиздате¹³⁴. Надо сказать, что Пайпс поддерживал прекрасные отношения как с перечисленными, так и с другими советскими диссидентами, среди которых был, в частности, Андрей Синявский, с восторгом писавший Пайпсу о «совпадении наших точек зрения на русские дела» и добавлявший, что «Солженицын повсюду видит врагов-русофобов»¹³⁵. В своей брошюре Шафаревич сформулировал три основных тезиса. Во-первых, у каждого государства есть свой путь развития, и поэтому западным критикам не стоит подгонять Россию под общий шаблон эволюции, нацеленной на построение демократического общества. Во-вторых, меньшинства, подобные каль-

131 SOLZHENITSYN A. *Misconceptions about Russia Are a Threat to America* // *Foreign Affairs*. 1980. Vol. 58. P. 801–802.

132 IDEM. *Why Americans Fail to Understand Russia* // *The Washington Post*. 1980. April 13. P. F1, F4.

133 OSNOS P. *Solzhenitsyn Charges the West Errs on Link between Communism, Russia* // *The Washington Post*. 1980. April 3. P. A21.

134 Позже этот текст был опубликован по-русски в журнале «Наш современник» (1989. № 6. С. 162–172) и по-английски в журнале «JPRS Report: Soviet Union, Political Affairs» (1990. March 22. P. 2–39). См. также его расширенную версию: ШАФАРЕВИЧ И. *Русофобия*. М.: Товарищество русских художников, 1991.

135 *Письмо Андрея Синявского Ричарду Пайпсу, [без даты]*. А. (Andrei) Siniavskii Papers. Box 7. Folder 12. Hoover Institution Archives.

винистам во Франции или пуританам в Англии, называемые Шафаревичем «малыми народами», порой способны оказывать непомерно большое историческое влияние, причем в России в подобной роли выступали евреи. Наконец, в-третьих, советские интеллигенты-эмигранты, как и их единомышленники в западных академических кругах, в частности, Пайпс, продвигали необоснованно негативное видение русской истории, заостряя внимание на угнетении, экспансионизме и мессианстве. Поскольку большинство таких критиков-недоброжелателей составляли евреи, многие наблюдатели разворачивавшейся полемики приходили к выводу, что Шафаревич – бесспорный антисемит. Эта проблема расколола российских интеллектуалов¹³⁶.

«Русофобия» на протяжении нескольких лет распространялась в Советском Союзе лишь подпольно, но подконтрольное государству академическое сообщество продолжало с 1964 года демонизировать Пайпса, даже не читая Шафаревича¹³⁷. В 1984-м Юрий Игрицкий назвал предложенную Пайпсом интерпретацию русской истории «гипертрофированной антитезой» России и Запада; по его мнению, взгляды американского историка настолько пропитаны «русофобией», что возмущают даже «ярких антисоветчиков-эмигрантов, полностью согласных с нападками Пайпса на социалистический строй»¹³⁸. Очевидно, что Игрицкий, профессиональный критик «буржуазной фальсификации истории», был не в состоянии отличить друг от друга русских неозападников и русских неославянофилов.

Западные комментаторы в большинстве своем называли Шафаревича антисемитом. Несмотря на то, что Криста Берглунд, его вполне лояльный биограф, пытается опровергать эти обвинения, даже ей приходится признавать, что Шафаревич приписывал евреям фундаментальную убежденность в «собственной богоизбранности и предначертанной им роли предводителей и правителей всего человечества, которым другие народы обязаны безропотно служить»¹³⁹. По словам Роберта Хорвата, для «русских шовинистов 1990-х “Русофобия” стала тем же, чем столетием ранее для них были “Протоколы сионских мудрецов” – изобличением самой сути еврейской культуры»¹⁴⁰. Билл Келлер, шеф московского бюро «The New York Times», назы-

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

136 См.: BERGLUND K. *The Vexing Case of Igor Shafarevich, a Russian Political Thinker*. Basel: Birkhäuser, 2012. P. 309–343. Антисемитизм был настолько распространен среди образованных советских людей, что в самиздатской литературе 1970-х даже самого Шафаревича, как и Солженицына, зачастую называли «агентами антирусского сионизма». См.: PARTHÉ K. *Village Prose: Chauvinism, Nationalism or Nostalgia?* // DUFFIN GRAHAM S. (Ed.). *New Directions in Soviet Literature*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 1992. P. 115.

137 DALY J. *A Scholar with a Sense of Mission: Academic, Cold Warrior, Public Intellectual* // *Cahiers du monde russe*. 2018. Vol. 59. № 4. P. 556–557.

138 Игрицкий Ю. *Современная буржуазная историография проблемы «Россия и Запад»* // Вопросы истории. 1984. № 1. С. 39.

139 BERGLUND K. *Op. cit.* P. 352.

140 HORVATH R. *The Legacy of Soviet Dissent...* P. 151, 152.

вал «Русофобию» «библией русских патриотов»¹⁴¹. В январе 1990 года, выступая в Институте Кеннана, Снявский убеждал аудиторию в том, что «за Шафаревичем стоит великий авторитет Солженицына»¹⁴².

После выхода «Русофобии» Солженицын избегал упоминать имя Шафаревича¹⁴³. В статье «Как нам обустроить Россию?»¹⁴⁴, опубликованной вскоре после жестокого убийства Александра Меня, православного священника-реформатора (и крещеного еврея), Солженицын фактически не затрагивал «еврейский вопрос» и избегал любых отсылок к спорному памфлету¹⁴⁵. Между тем Майкл Конфино полностью прав в том, что автор «Архипелага ГУЛАГа» не предпринимал «каких-либо попыток отгородить себя от радикального националистического движения и его идей, подобных тем, какие представил Шафаревич»¹⁴⁶. (В последующие годы авторитет Шафаревича как идеолога русского национализма еще более окреп¹⁴⁷.)

Пока советские и эмигрантские русские интеллектуалы осуждали Пайпса как русофоба, Солженицын был обвинен в антисемитизме¹⁴⁸. В начале 1985 года один из авторов «The New York Daily News» обратил внимание на антисемитский подтекст некоторых высказываний писателя, прозвучавших в эфире «Радио Свобода» в 1984 году¹⁴⁹. В частности, была выделена цитата из исторического романа «Август четырнадцатого», первого произведения из цикла «Красное колесо», касавшаяся психологического портрета убийцы Петра Столыпина, последнего выдающегося политического деятеля царской России, и прозвучавшая в эфире 19 августа. Террориста Мордко Богрова, в эфире называемого русским именем «Дмитрий», в передаче характеризовали как «космополита», что в сталинское время было кодовым обозначением еврея. Ведущий приводил цитаты из «Протоколов сионских мудрецов» и «обвинял Богрова в запуске цепочки событий, приведших в итоге к большевистской революции». В феврале того же года свою озабоченность по этому поводу

141 KELLER B. *Yearning for an Iron Hand: Ethnic Russians May Be Next to Challenge Gorbachev* // The New York Times Magazine. 1990. January 28. P. 18.

142 HORVATH R. *The Legacy of Soviet Dissent...* P. 201.

143 BERGLUND K. *Op. cit.* P. 357.

144 См.: Солженицын А. *Как нам обустроить Россию?* // Литературная газета. 1990. 18 сентября. № 38. С. 3–6.

145 HORVATH R. *The Legacy of Soviet Dissent...* P. 206–207.

146 CONFINO M. *Solzhenitsyn, the West, and the New Russian Nationalism* // Journal of Contemporary History. 1991. Vol. 26. № 3–4. P. 631.

147 Подробнее см.: HORVATH R. *The Legacy of Soviet Dissent...* P. 208–222.

148 Впрочем, первые обвинения прозвучали десятью годами ранее. См.: GIMPELEVICH Z. *Dimensional Spaces in Alexander Solzhenitsyn's Two Hundred Years Together* // Canadian Slavonic Papers. 2006. Vol. 48. № 3–4. P. 295–297.

149 NELSON L.-E. *Radio Liberty: Tax Paid Anti-Semitism* // The New York Daily News. 1985. January 23. P. 36. См. также возражения Джеймса Бакли автору этой публикации Ларсу-Эрику Нельсону и последующий ответ Нельсона Бакли: The New York Daily News. 1985. January 27. P. 32–33.

выразил и журнал «The New Republic»¹⁵⁰. Его редакция потребовала усилить административный контроль над наполнением эфира, подкрепляя свою позицию ссылкой на руководителя корпорации «Радио Свободная Европа / Радио Свобода» и бывшего сенатора США Джеймса Бакли, заявившего: «Слишком многое из сказанного в том эфире было неправильным»¹⁵¹.

По стечению обстоятельств тот же отрывок из «Августа четырнадцатого» прозвучал и в эфире «Голоса Америки», официальной службы зарубежного радиовещания правительства США. И снова пассаж, посвященный Богрову, вызвал замешательство. «The Washington Post» в этой связи процитировала Пайпса, который проанализировал наиболее спорное место:

«Солженицын погружается в сознание Богрова, пытается выявить причины его поступка, и они оказываются связанными исключительно с его еврейством. При этом Солженицын не говорит ничего, что выглядело бы как явный антисемитизм. Соответствующая риторика завуалирована, но русский читатель, несомненно, ее распознает. Из того, насколько большое внимание писатель уделяет еврейскому происхождению Богрова, без труда можно понять, что вину за революцию он возлагает именно на евреев. Богров, по словам Солженицына, решил убить Столыпина, поскольку тот был полезен для России и, следовательно, вреден для евреев»¹⁵².

Джон Глэд, профессор русской литературы из Университета Мэриленда и профессиональный переводчик, перевел для «The Washington Post» отрывок из романа, в котором Солженицын описывает внутреннюю борьбу Богрова перед убийством. Речь идет о следующем фрагменте:

«Как будто Столыпин не предпринимал никаких мер против евреев? Но он создавал общую депрессивную обстановку. Именно со столыпинского времени и с его Третьей, законопослушной, Думы евреев стало охватывать настроение уныния и отчаяния, что в России невозможно добиться нормального человеческого существования. Столыпин ничего не сделал прямо против евреев и даже провел некоторые помягчения, но все это – не от сердца. Врага евреев надо уметь рассмотреть глубже, чем на поверхности. Он слишком назойливо, открыто, вызываясь выставляет русские национальные интересы, русское представительство в Думе, русское государство. Он строит не всеобщее-свободную страну, но – национальную монархию. Так еврейское будущее в России зависит не от дружественной воли, столыпинское развитие не обещает расцвета евреям» («Август четырнадцатого». С. 63).

150 *Taking Radio Liberties* // The New Republic. 1985. February 4. P. 8–9.

151 *Radio Liberty's Reply* // The New Republic. 1985. February 18. P. 2; *The Editors' Reply* // Ibid.

152 OMANG J. *Version of Solzhenitsyn Novel, Broadcast by VOA, Causes Flap* // The Washington Post. 1985. February 4. P. A18.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

Глэд пришел к выводу, что в этом отрывке антисемитизм отсутствовал.

Действительно, в глазах тех, кто не имел привычки не доверять евреям, здесь не было ничего бесспорно антисемитского; однако в советском обществе, где институциональный антисемитизм глубоко укоренился, восприятие подобных вещей оставалось иным. Именно об этом Пайпс писал Джеймсу Бакли в мае 1985-го. Перечислив ряд примеров антисемитской и антидемократической риторики, обнаруженных им в передачах «Радио Свобода» 1982–1984 годов, Пайпс заключил: «Все эти случаи объединяет то, что каждый из них содержит апелляцию к шовинизму и антисемитизму русских и украинцев»¹⁵³.

Спор об антисемитизме разгорелся с новой силой осенью того же года. На проходившем тогда международном конгрессе советских и восточноевропейских исследований «с мнимым антисемитизмом Солженицына» попытался разобраться Владислав Краснов, считавший подобные обвинения в адрес русского писателя «абсолютно беспочвенными»¹⁵⁴. Ричард Гренье, колумнист «The New York Times», устно и письменно опросил нескольких ученых, литераторов и общественных деятелей, включая самого Солженицына, который последовательно отрицал обвинение. В поддержку писателя выступили Эли Визель, Мстислав Ростропович, Роберт Конквест и Адам Улам, друг Пайпса и его коллега по Гарварду. Но хотя противостояли им, за исключением Пайпса, не слишком известные фигуры, позиция защиты в целом выглядела довольно слабой. Улам, например, признавал, что Солженицына «возмущает вмешательство чуждых сил в дела России» – из чего следовало, что он считает евреев посторонними¹⁵⁵. Визель также отмечал, что его «беспокоит представляющаяся инстинктивной бесчувственность Солженицына к страданиям евреев». В своем материале Гренье процитировал и Пайпса:

«В любой культуре есть собственная разновидность антисемитизма. Антисемитизм Солженицына не имеет ничего общего с расизмом, он не затрагивает вопросов крови. Солженицын определенно не расист, сущность его антисемитизма – религиозная и культурная. В этом смысле он напоминает Достоевского, который был истовым христианином, преданным патриотом и оголтелым антисемитом. Отношение Солженицына к евреям определяется его воззрениями на революцию, которые заимствуются писателем у русских крайне правых».

153 Richard Pipes to James Buckley, May 22, 1985. AN 17 397. Box 1. HA.

154 Подробнее см.: GRENIER R. *Solzhenitsyn and Anti-Semitism: A New Debate* // The New York Times. 1985. November 13. P. C21.

155 О том же редактору «The New York Times» писал Сет Уолиц, специалист по славяноведению и иудаике из Техасского университета: WOLITZ S. *Solzhenitsyn and Anti-Semitism: A Test* // The New York Times. 1985. December 4. P. A30.

Непримиримость Пайпсом того, что он считал антисемитизмом Солженицына, не распространялась ни на его патриотизм, ни даже на национализм как таковой.

В указанном контексте показателен пример Петра Струве. Пайпс посвятил два десятилетия изучению жизни этого ярчайшего представителя русской интеллигенции. Итогом этой работы стала масштабная двухтомная биография мыслителя. Согласно Пайпсу, его герой совершенно не был подвержен предрассудкам: «Как и любой цивилизованный человек, Струве никогда не судил о людях по их национальной или религиозной принадлежности и был абсолютно чужд любым предубеждениям подобного рода. Ни одна из его работ не содержит в себе ни малейшего намека на антисемитизм»¹⁵⁶. Напротив, «статьи Струве были полны тепла и симпатии к евреям как к людям»: он ратовал за наделение их полным спектром гражданских прав¹⁵⁷. При этом, однако, Струве сожалел, что самим евреям не хватает упорства, чтобы за это бороться. По его мнению, полная эмансипация еврейского населения была чрезвычайно важной, поскольку без нее российские евреи не могли исполнять «естественную роль проводников русской экономической и культурной экспансии»¹⁵⁸.

Пайпс с негодованием замечал, что «многие российские евреи» слышали в подобных призывах к ассимиляции явные антисемитские ноты¹⁵⁹. Столь же сложное отношение вызвала и написанная в 1909 году противоречивая статья «Интеллигенция и национальное лицо», где Струве определил национализм как «духовные притяжения и отталкивания», которые «живут и трепещут в душе». Этот подход вызвал бурную дискуссию¹⁶⁰. Пайпс включил этот текст в полную библиографию трудов Струве, однако в своем биографическом исследовании он его не разбирает. Как бы то ни было, Пайпс не считал статью антисемитской. Подобно самому Струве, он не порицал русских за острую и распространенную антипатию к евреям; он осуждал лишь тех, кто, подобно дореволюционному публицисту Михаилу Меньшикову, считал «евреев, крещеных евреев и их сторонников» олицетворением «сил тьмы»¹⁶¹. Иначе говоря, таких русских националистов, как Струве, кто по достоинству

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

156 PIPES R. *Struve: Liberal on the Left, 1870–1905*. Cambridge: Harvard University Press, 1970. P. 354. [Пайпс Р. *Струве: левый либерал, 1870–1905*. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 495].

157 Ibid. P. 355. [Там же. С. 496.]

158 ИДЕМ. *Struve: Liberal on the Right, 1905–1944*. Cambridge: Harvard University Press, 1980. P. 91. [Он же. *Струве: правый либерал, 1905–1944*. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 120].

159 ИДЕМ. *Struve: Liberal on the Left*. P. 356. [Он же. *Струве: левый либерал*. С. 497.]

160 См.: *Национализм. Полемика 1909–1917: сборник статей* / Под ред. М.А. Колерова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. Статью Струве см. на с. 46–50. Автор выражает признательность Марине Могильнер, обратившей его внимание на этот сборник.

161 PIPES R. *Struve: Liberal on the Right*. P. 184. [Пайпс Р. *Струве: правый либерал*. С. 240.]

оценивал вклад евреев в развитие культуры и общества России, следовало хвалить; других же, кто, подобно Солженицыну, видел в евреях чужаков, нужно осуждать – как антисемитов.

Пайпс не возлагал на евреев вину за революцию – напротив, по его мнению, революция была обдуманной попыткой уничтожить еврейство. Этот тезис был выдвинут им на конференции в Еврейском университете в Иерусалиме в 1988 году. Эдит Френкель, называя тот доклад «спорным», вспоминает: «Среди прочего прозвучала и мысль о том, что тотальный контроль над обществом, концентрационные лагеря и тому подобное изобрели отнюдь не нацисты – всему этому они научились у большевиков»¹⁶². Гарольд Шукман, также присутствовавший на конференции, рассказывал:

«Большинство из нас было повергнуто услышанным в полнейший шок: Пайпс представил Ленина и его “достижения” в виде идеальной модели для гитлеровского режима. [...] Согласно Пайпсу, Гитлер, как и Ленин, поддерживал идеологическую базу собственной власти посредством жестоких преследований и даже физического уничтожения целых социальных групп, будь то классы или расы»¹⁶³.

В работе «Россия при большевиках» Пайпс вновь настаивает на том, что дискурс образованной российской элиты правого толка вкупе с самой большевистской революцией обеспечили связку между традиционным русским антисемитизмом и нацистской ненавистью к евреям и подготовили переход от ординарной религиозной нетерпимости к идеологическому расизму Гитлера. Во-первых, именно русские антисемиты сфабриковали и в 1902 году опубликовали «Протоколы сионских мудрецов». Во-вторых, присутствие евреев, взявших для прикрытия славянские фамилии¹⁶⁴, в высших эшелонах большевистской власти, убеждало антисемитов в подлинности этой фальшивки. Наконец, в-третьих, как раз русские антисемиты, эмигрировавшие в Германию в 1919–1920 годах, представили нацистским лидерам «Протоколы» вместе с заложенной в них конспирологической теорией, предложив тем самым обоснование для последующего истребления евреев нацистским режимом. Таким образом, по мнению Пайпса, «Холокост оказался одним из многих неожиданных и незапланированных последствий русской революции»¹⁶⁵.

Многих историков суждения Пайпса возмутили. Одной из основных причин недовольства стало очевидное сходство его

¹⁶² Письмо Эдит Френкель автору, 13 мая 2015 года.

¹⁶³ ШУКМАН Н. *The Ruthless Revolutionary* // The Times Higher Education Supplement. 1996. November 22. P. 22.

¹⁶⁴ PIPES R. *Russia under the Bolshevik Regime*. New York: A.A. Knopf, 1994. P. 256. [ПАЙПС Р. *Россия при большевиках*. М.: РОССПЭН, 1997.]

¹⁶⁵ Ibid. P. 258.

аргументации с тезисами, изложенными Эрнстом Нольте в так называемом «споре историков» (*Historikerstreit*) 1986–1987 годов. Немецкий ученый тогда доказывал, что массовое уничтожение евреев было нацистской реакцией на убийства, совершенные коммунистами в СССР, – таким образом, получалось, что в гибели еврейского народа повинны коммунисты, а не немцы¹⁶⁶. Среди прочих эту позицию раскритиковал и американский историк Александр Рабинович:

«Видеть в большевизме источник, породивший режимы Муссолини и Гитлера, уподобляясь тем самым Эрнсту Нольте, не только антиисторично, но и возмутительно: такой подход выглядит надругательством над памятью о миллионах жертв, павших от рук фашистов»¹⁶⁷.

Разумеется, Пайпс не собирался снимать с немцев ответственность за Холокост, поскольку считал его чудовищным и непростительным деянием. Он также считал ужасающими и многие дела, сотворенные большевиками. Эти преступления никак не умаляют значимости друг друга, и осуждение одних не минимизирует осуждения других. Рассматриваемые политические движения и созданные ими системы основывались на ненависти, и в обоих случаях это обернулось чудовищным злом; но, приходя к такому заключению, Пайпс, оставаясь одновременно и евреем, и дотошным историком, все же не мог не считать Холокост и нацистский проект злом большего калибра.

Помимо беспокойства, вызванного отношением Солженицына к евреям, Пайпс также считал русского писателя противником демократии. В письме Марку Раеву он писал: «Я буквально не выношу его литературный стиль, в котором деликатности столько же, сколько в ударе кастетом. В Солженицыне гораздо больше советского, чем он думает, он типичный продукт сталинской эпохи»¹⁶⁸. Такую оценку разделял и Исая Берлин. В письме Анджею Валицкому друг и наставник Пайпса называет Солженицына «настоящим героем, в одиночку нанесшим Советскому Союзу больший ущерб, чем кто-либо другой», но при этом находит в нем «что-то пугающе фанатичное, ретроградное, староверческое»¹⁶⁹.

Наблюдая за подъемом в российской политике националистической волны, которая активно отстаивалась Солженицы-

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

166 Подробнее см.: BALDWIN P. (Ed.). *Reworking the Past: Hitler, the Holocaust, and the Historians' Debate*. Boston: Beacon Press, 1990.

167 RABINOWITZ A. *Lenin's Legacy to the Evil Empire* // The Washington Post. 1994. May 1. P. X9. Интересно, что нарочитое смешивание нацистов и фашистов было стандартным риторическим приемом советского руководства.

168 Richard Pipes to Marc Raeff, April 19, 1988 // DALY J. (Ed.). *Pillars of the Profession...* P. 311–312.

169 Isaiah Berlin to Andrzej Walicki, December 9, 1991 // Dialogue and Universalism. 2005. Vol. 15. № 9–10. P. 165.

ным и которая, по мнению таких западных ученых, как Дэвид Моро¹⁷⁰, могла сделать российское государство более демократичным у себя дома и менее агрессивным за рубежом, Пайпс опасался, что она усилит в России авторитарные тенденции¹⁷¹. В отношении Солженицына Пайпс оказался абсолютно прав. До самой своей смерти в 2008 году Солженицын был убежденным сторонником Владимира Путина. Роберт Хорват писал:

«Несмотря на приверженность демократии как долгосрочному проекту, Солженицын был совершенно равнодушен к событиям сегодняшнего дня – ползучему наступлению государства на гражданские свободы, превращению парламента в бездумное орудие исполнительной ветви, подъему силовых структур и концентрации всей полноты власти в Кремле. Между тем все перечисленное свидетельствовало о том, что при Путине Россия скатывается в авторитаризм»¹⁷².

В частности, в 2006 году Солженицын «раскритиковал США за поддержку “цветных революций” и приветствовал путинские усилия по восстановлению российской государственности».

Приход гласности и падение коммунизма упрочили позиции Пайпса как специалиста по истории России. В 1991 году в Академии наук СССР его представляли как «ведущего американского советолога»¹⁷³. По словам историка Игоря Нарского, среди его коллег, изголодавшихся по новым подходам к изучению русской истории, книги Пайпса произвели «восторженно-изумленную реакцию»¹⁷⁴. Исторический факультет Челябинского государственного университета, где работал Нарский, закупил тогда тридцать экземпляров «России при старом режиме». За несколько лет «в российском историографическом цехе» Пайпс стал «невероятно популярен и знаменит», – рассказывает Нарский¹⁷⁵. Этот ученый, отправивший Пайпсу экземпляр своей монографии «Жизнь в катастрофе», вышедшей в 2001 году¹⁷⁶, вспоминает, как получил ответ из Гарварда: «Это было нечто трансцендентное, как письмо с того света».

170 MORO D.A. *The National Rebirth of Russia: A U.S. Strategy for Lifting the Soviet Siege* // Policy Review. 1988. № 43. P. 2–13.

171 PIPES R. *Letter* // Policy Review. 1988. № 45. P. 86.

172 HORVATH R. *Apologist of Putinism? Solzhenitsyn, the Oligarchs, and the Specter of Orange Revolution* // Russian Review. 2011. Vol. 70. № 2. P. 314.

173 MURO M. *Op. cit.* P. 12.

174 Многочисленные русскоязычные переводы трудов Пайпса упоминаются в сносках к настоящей статье. – *Примеч. ред.*

175 Из письма Игоря Нарского автору, 21 декабря 2015 года.

176 НАРСКИЙ И. *Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг.* М.: РОССПЭН, 2001.

Последние труды

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

В 2002 году Пайпс подготовил рецензию на первую часть написанной Солженицыным двухтомной истории еврейства в России «Двести лет вместе», охватывающую период с 1772-го по 1916 год¹⁷⁷. Пайпс с удовлетворением отметил позитивное отношение автора к тем евреям, которые избежали ассимиляции, но при этом его воззрения на ассимилированных евреев считал «неоднозначными». Больше прочего Солженицына интересовала проблема непропорционально избыточного участия евреев в революционном движении. «Но есть ли такая мерка, которая позволяет оценить роль той или иной этнической группы в публичной жизни? – задается вопросом Пайпс. – Ведь если одни евреи были видными социалистами, то другие оставались не менее видными капиталистами». Кроме того, «практически все евреи, присоединившиеся к революционерам, порвали со своей религией и своим сообществом». По мнению Пайпса, Солженицын справедливо указывал на то, что имперские власти не пытались подстегивать насилие в отношении еврейского населения, однако при этом он «фактически закрывал глаза на тлетворную атмосферу, которая создавалась антисемитской пропагандой, ведущейся Русской православной церковью и националистическими кругами». В целом же, полагал Пайпс, написав «Двести лет вместе», Солженицын «избавился от клейма антисемита»¹⁷⁸.

В начале августа 2008 года, несколько дней спустя после кончины Солженицына, Пайпс опубликовал заметку о жизни и творчестве ушедшего писателя¹⁷⁹. В этом тексте говорилось:

«Солженицын был глубоко погружен в русскую консервативную традицию, он был Достоевским наших дней. Подобно своему великому предшественнику, Солженицын презирал социализм, но при этом не воспринимал и ценности западной культуры с ее упором на секуляризм, свободу и легализм».

По мнению Пайпса, Солженицына будут вспоминать как великого писателя «в первую очередь за выдающееся мужество, с которым он противостоял Советскому Союзу и критиковал его». Пайпс сожалел о его антизападном настрое:

«По расе, религии и культуре русские принадлежат западному миру. Следовательно, отрицая пригодность западных ценностей для своей страны, Солженицын обрекает ее на культурную заброшенность:

177 PIPES R. *Solzhenitsyn and the Jews, Revisited. Alone Together* // The New Republic. 2002. November 25. P. 26–28.

178 Последующие отзывы на «Двести лет вместе» были гораздо жестче, чем отклик Пайпса. См., например: GIMPELEVICH Z. *Op. cit.* P. 297–302; Klier J.D. *Polemics with Encyclopedias: Aleksandr Solzhenitsyn's "Dvesti let vmeste"* // Ab Imperio. 2002. № 2. P. 589–604.

179 PIPES R. *Solzhenitsyn's Troubled Prophetic Mission* // The Moscow Times. 2008. August 7 (www.themoscowtimes.com/opinion/article/solzhenitsyns-troubled-prophetic-mission/369634.html).

в такой оптике Россия всегда сама по себе, она ни к кому не примыкает. Но это путь к изоляции, а изоляция влечет за собой агрессию».

И действительно, в последующие годы изоляционизм и агрессивность стали постоянными характеристиками поведения России на международной арене. Важным маркером такого развития стало то, что из уст российских политиков и прочих публичных фигур все чаще и чаще звучало слово «русофобия».

Этим изменениям способствовали несколько факторов. Во-первых, это расширение НАТО на восток – политика, которой Пайпс решительно противился¹⁸⁰. Во-вторых, это участие России в чеченских войнах, которые были весьма кровопролитными, несмотря на верное замечание Анатоля Ливена о том, что «никто и никогда не сравнивал преступления, имевшие место в Чечне, с преступлениями, совершенными в ходе войн в Индокитае, Корее или Алжире»¹⁸¹. И, в-третьих, это бомбардировки Югославии силами НАТО, осуществленные в 1999 году. Довольно важными в этом ряду оказались и некоторые другие события: авторитарный разворот во внутренней политике после избрания Путина на президентский пост в 2000 году; организованная США в 2003-м война в Ираке (хотя российский отклик на нее был гораздо мягче реакции Франции или Германии)¹⁸²; вторжение России в Грузию в 2008-м, после которого в некоторых газетах начали публиковать «рейтинги русофобии» в странах мира¹⁸³. Кстати, обвинения в русофобии нередко предъявлялись и тем российским гражданам, которых власти страны объявляли «пятой колонной» предателей и врагов, тем самым «символически подрывая легитимность либеральной позиции»¹⁸⁴.

В десятилетие, предшествовавшее 2014 году, Министерство иностранных дел Российской Федерации избирательно обвиняло тех или иных зарубежных акторов в русофобии. Украинский «евромайдан» побудил ведущих российских деятелей, включая самого президента, не только обвинить в русофобии весь мир, но и даже связать ее с антисемитизмом¹⁸⁵. Впрочем, подобная ассоциация едва ли уместна, поскольку, по справедливому замечанию Элиота Боренштейна, в данном случае «объ-

180 См.: MCGWIRE M. *NATO Expansion: "A Policy Error of Historic Importance"* // *Review of International Studies*. 1998. Vol. 24. № 1. P. 23, fnnt. 1.

181 LIEVEN A. *Against Russophobia* // *World Policy Journal*. 2000. Vol. 17. № 4. P. 28.

182 DUNCAN P.J.S. *Russia, the West and the 2007–2008 Electoral Cycle: Did the Kremlin Really Fear a "Coloured Revolution"?* // *Europe-Asia Studies*. 2013. Vol. 65. № 1. P. 11.

183 FEKLYUNINA V. *Constructing Russophobia* // TARAS R. (Ed.). *Russia's Identity in International Relations: Images, Perceptions, Misperceptions*. London: Routledge, 2012. P. 99.

184 Ibid. P. 107.

185 ROBINSON N. *"Russophobia" in Official Russian Political Discourse* // *De Europa*. 2019. Vol. 2. № 2. P. 64–65, 70–73.

ектом дискриминации выступает не русский народ, а российские власти»¹⁸⁶. Ричард Пайпс тоже неизменно подчеркивал, что его недоброжелательство адресовано исключительно российскому государству и никогда русскому народу как таковому.

Пайпса и сегодня нередко именуют образцовым русофобом. Не так давно Рэймонд Тарас назвал его «подходящим кандидатом на получение звания самого влиятельного русофоба Америки»¹⁸⁷. Признавая тот факт, что Пайпс был «самым одаренным среди историков-русистов, работавших на его второй, американской, родине», Марк Смит писал, что именно он внес наибольший вклад в формирование того умонастроения, которое этот автор называет «страхом перед Россией», выступающим родовым понятием по отношению к русофобии. Более того, высказываемые американским историком опасения по поводу российского экспансионизма Смит не без издевки именует «протоколами Пайпса»¹⁸⁸.

Весьма сомнительным представляется то, что упорное изучение неуклонной тяги России к авторитаризму могло сделать из Пайпса русофоба и привить ему патологическую ненависть к России и русским. Эндрю Гентес предложил оригинальный способ фиксации уровня русофобии, присущей тому или иному исследователю, соотнося ее с диалектической противоположностью – с понятием «русофилия». «Лично я, искренне восхищаясь русской культурой и архитектурой – пишет Гентес, – не пылаю любовью к современному российскому обществу и не питаю симпатий к нынешней российской политике»¹⁸⁹. Выстраивая условную диаграмму, одну ось которой составит русофобия, а другую русофилия, и пытаясь отметить на ней позиции Пайпса, без труда можно убедиться, что он придерживался довольно умеренных взглядов.

Пайпс полагал, что на определенных этапах своего развития России удавалось двигаться в правильном направлении. Он считал Екатерину Великую необычайно просвещенной государыней, особенно восхваляя изданную ею Жалованную грамоту дворянству и ее отношение к еврейскому населению империи. «Она завещала своим наследникам гуманность и хороший вкус, которые стали подспорьем последующим поколе-

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

186 BORENSTEIN E. *Plots against Russia: Conspiracy and Fantasy after Socialism*. Ithaca: Cornell University Press, 2019. P. 103.

187 TARAS R. *Poles and Prejudice: Are Polish-American Scholars Objective about Russia?* // MALICKI J. (Ed.). *Historia est testis temporum: Księga pamiątkowa z okazji jubileuszu 90-lecia profesorów Richarda Pipesa, Piotra Wandycz, Zbigniewa Wójcika*. Warsaw: Uniwersytet Warszawski, 2017. P. 376.

188 SMITH M.B. *The Russia Anxiety: And How History Can Resolve It*. New York: Oxford University Press, 2019. P. 231–236. Придерживаясь той же линии, в 2019 году Рэй Макговерн, бывший сотрудник ЦРУ, а ныне политический активист, назвал Пайпса «архидьяконом русофобии»: MCGOVERN R. *The Pitfalls of a Pit Bull Russophobe* // Consortium News. 2019. November 22 (<https://consortiumnews.com/2019/11/22/ray-mcgobern-the-pitfalls-of-a-pit-bull-russophobe/>).

189 Из письма Эндрю Гентеса автору, 16 декабря 2019 года.

ниям, создававшим великую культуру современной России», – писал Пайпс¹⁹⁰. В 1786 году императрица издала указ, который фактически распространил принцип равенства перед законом и на российских евреев (хотя многие властные структуры и политические деятели препятствовали его исполнению)¹⁹¹. К началу XX столетия, по признанию Пайпса, российское правительство пусть без энтузиазма, но все же занималось защитой и продвижением идеи верховенства права. Однако, когда разразилась революция, «все свободы и права вместе с собственностью унеслись и растаяли в голубой дымке, потому что не имели в стране сколько-нибудь прочных оснований»¹⁹².

Снова и снова Пайпс возвращался к необходимости укрепления верховенства права в России, посвятив этому, в частности, свой доклад на Сахаровской конференции (1991)¹⁹³. Начиная с 1998 года Пайпс последовательно поддерживал Московскую школу политических исследований (МШПИ) – организацию, занимавшуюся утверждением в России гражданского общества, прав человека, политического плюрализма, институтов демократии и верховенства права. Более десяти лет он регулярно приезжал в страну, чтобы участвовать в семинарах МШПИ¹⁹⁴. Это ли поведение человека, ненавидящего Россию и ее народ?

Избрание Владимира Путина президентом России в 2000-м стало для Пайпса своего рода поворотным моментом. Историк считал, что от правовой культуры России, которая накануне революции 1917 года и без того была немощной, за несколько десятилетий большевистской диктатуры почти ничего не осталось. Он опасался, что, желая укрепить государство, Путин «принесет право в жертву политической целесообразности» – несмотря на то, что «одной из наиважнейших задач, стоящих перед постсоветской Россией, остается утверждение верховенства правовых норм». Пайпса тревожило озвученное Путиным намерение смещать губернаторов, нарушающих законодательство: «Само по себе подобное заявление неправомерно, поскольку избираемых должностных лиц надлежит смещать лишь по решению суда»¹⁹⁵. Пайпс признавал, что «российские губернаторы правили на манер феодальных баронов», нарушая порой Конституцию, но при этом настаивал, что «политическое

190 Letter to «The New York Times Book Review». File 77/3/27. AN 14 511. Box 1. HA.

191 PIPES R. *Catherine II and the Jews: The Origins of the Pale of Settlement* // *Soviet Jewish Affairs*. 1975. Vol. 5. № 2. P. 3–20. Роберт Герачи аргументированно критиковал отстаиваемую Пайпсом положительную оценку той политики, которая проводилась имперским правительством в отношении еврейского населения. См.: GERACI R. *Pragmatism and Prejudice: Revisiting the Origin of the Pale of Jewish Settlement and Its Historiography* // *Journal of Modern History*. 2019. Vol. 91. № 4. P. 776–814.

192 PIPES R. *Property and Freedom*. New York: Vintage Books, 1999. P. 208. [Пайпс Р. *Собственность и свобода*. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 270.]

193 Remarks, Andrei Sakharov Conference, May 22, 1991. HUG(FP)98.45.1. HA.

194 Из беседы автора с Еленой Немировской, директором-основателем МШПИ, 6 мая 2019 года.

195 PIPES R. *Russia and the Rule of Law*. 2000. AN 17 549. Box 2. HA.

могущество проявляется не в грубом попрании гражданских прав, а в формировании чувства общности интересов, объединяющего власть и народ путем неукоснительного соблюдения закона».

Хотя Путин довольно сдержанно пользовался правом смещать губернаторов, угроза отстранения от должности неизменно оставалась действенным средством держать их в узде. Недобрыми предзнаменованиями стали отмена губернаторских выборов и переход к назначению высших должностных лиц российских регионов президентом; это произошло в 2004 году, вскоре после кризиса с заложниками в Беслане¹⁹⁶. В результате в губернаторских креслах оказалось множество малоизвестных фигур¹⁹⁷. Даже после восстановления выборов, состоявшегося в 2012-м, Путин сохранил за собой право контролировать процесс замещения губернаторских должностей и за один только 2017 год произвел девятнадцать назначений¹⁹⁸. Манипуляции, запугивание и принуждение, недопуск международных наблюдателей и иные эксцессы электорального процесса сопровождали в июне 2020-го «всенародное голосование» по путинским поправкам в Конституцию, подготовившим почву для его переизбрания и последующего пребывания в должности до 2036 года. Все это лишь подтвердило ранее наметившиеся тенденции; иначе говоря, интуиция относительно Путина не подвела Пайпса – историк оказался провидцем.

Вскоре после прихода Путина к власти Пайпс ощутил потребность вновь обратиться к изучению консервативной политической культуры России:

«Если после долгого перерыва что-то заставило вернуться к теме, волновавшей в молодости, так это поразившая меня скорость и, можно сказать, неизбежность, с которой русские люди, избавившись от самой крайней формы автократического правления, когда-либо известной в истории, и вроде бы выразив готовность принять демократию, снова, как и в 1917 году, стали искать защиту в подчинении “сильной руке”»¹⁹⁹.

Он также прослеживал преемственность между политической апатией советской эры и путинской эпохи. В обоих случаях большинство людей принимали политический режим не

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

196 Подробнее см.: GOODE P. *The Puzzle of Putin's Gubernatorial Appointments* // *Europe-Asia Studies*. 2007. Vol. 59. № 3. P. 365–399.

197 См.: TUROVSKII R. *How Russian Governors Are Appointed: Inertia and Radicalism in Central Policy* // *Russian Politics and Law*. 2010. Vol. 48. № 1. P. 58–79.

198 MOSES J. *Russian Center-Periphery Relations from Khrushchev to Putin, 1957–2018* // *Demokratizatsiya*. 2019. Vol. 27. № 2. P. 221.

199 PIPES R. *Russian Conservatism and Its Critics: A Study in Political Culture*. New Haven; London: Yale University Press, 2005. P. XI. [Пайпс Р. *Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры*. М.: Новое издательство, 2008. С. 12.]

в силу позитивного согласия с ним, а «из-за своей аполитичности, которая, как тогда, так и теперь, коренится в убежденности в том, будто рядовые граждане не способны влиять на государственные дела; [...] они не противятся демократии, но считают ее недостижимой». Рассуждая чуть более оптимистично, Пайпс замечал, что быстрый развал Советского Союза обнаружил «неготовность советского населения встать на защиту системы»; но не исключено, продолжал он, что граждане пребывают в том же состоянии и по сей день²⁰⁰. Исторические предрасположенности, доказывал Пайпс на протяжении всей своей академической карьеры, почти никогда не изживают себя. Как уже отмечалось выше, он уподоблял их действие механизмам наследственности в живой природе. Авторы академических работ последнего времени в основном поддерживают аргументы Пайпса, касающиеся становления политической культуры России²⁰¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пайпс не доверял попыткам объяснить особенности тех или иных народов ссылками на биологические или генетические различия, считая определяющим фактором исторической эволюции исключительно культуру. Он полагал, что евреи, жившие в Германии, всегда перенимали культурные обыкновения немцев. В этом свете источником жизнестойкости и процветания еврейского народа представляла не его генетика, а его культура. В свою очередь политическая культура России, испытывавшая значительное воздействие географических и исторических обстоятельств, лучше объясняет тяготение страны к авторитаризму, нежели «природная негуманность» русского человека, о которой с горечью упоминал Солженицын. Этот писатель и прочие русские интеллектуалы националистического толка как до революции, так и после нее не доверяли евреям, считая, что культура последних угрожает политическим устоям России. Это разочаровывающий вывод: по сути, он означал, что евреи не смогут добиться доверия со стороны русских, не отказавшись от того, что им дорого, но, даже соглашаясь на это, они не получают гарантий того, что их признают за россиян, — как полагал Пайпс, одним из подтверждений сказанного можно считать нераскрытое убийство отца Александра Меня.

А что же русские, как это работает в отношении их самих? Пайпс полагал, что с ними дело обстояло по-иному. По его

200 PIPES R. *Review Essay* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7. № 2. P. 385.

201 См.: SUSLOV M., UZLANER D. (Eds.). *Contemporary Russian Conservatism: Problems, Paradoxes, and Perspectives*. Leiden; Boston: Brill, 2020.

мнению, Россия сможет остаться Россией – причем сделавшись безопаснее, благополучнее и счастливее, – даже восприняв ценности и принципы современной западной культуры, верховенство права, гражданские права, политическое участие, то есть продвигаясь по тому пути, на который страна, пусть и неуверенно, успела вступить незадолго до революции 1917 года. И хотя националисты, подобные Солженицыну и Шафаревичу, презирали эти ценности, Пайпс, как представляется, все же был прав, полагая, что россияне в большинстве своем предпочли бы усвоить их.

Пайпс любил русскую культуру и считал русский народ добросердечным, но при этом ненавидел эксплуататорскую правящую элиту России. В отношении США, напротив, он уважал политические институты, но был равнодушен к американской культуре. Он с трепетом относился к своей еврейской идентичности и гордился свершениями своих предков. Постоянно проводя параллели между русскими и евреями, Пайпс доказывает, что он ничуть не русофоб, но скорее в значительной мере русофил. Многие российские диссиденты и эмигранты, критиковавшие Советский Союз, подчеркивали свою идейную близость с Пайпсом; при этом их оппоненты в самой России зачисляли гарвардского профессора и подобную эмиграцию в один лагерь. Здесь просматривается яркое свидетельство того, что обе стороны считали Пайпса непосредственно и тесно вовлеченным в эти внутрироссийские дебаты. Пайпс не считал Солженицына расистом, однако видел в нем проповедника антисемитской культуры, ибо русский писатель возлагал вину за революцию на евреев и считал их чуждыми России. В целом же трактовка русской истории, предложенная Пайпсом, оказала серьезное влияние на публичную политику, а также на миллионы читателей, русских интеллектуалов и ученых во всем мире.

ДЖОНАТАН ДЭЙЛИ

РИЧАРД ПАЙПС:
ЭТНИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА,
РУСОФОБИЯ И АНТИ-
СЕМИТИЗМ

Авторизованный перевод с английского Екатерины Захаровой

